

попаданец

попаданец

Андрей Шопперт

КРАСАВЧИК И АЗ ВОЗДАМ

Андрей Готлибович Шопперт Красавчик. И аз воздам Серия «Красавчик», книга 1 Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70206850

Красавчик. И аз воздам : роман / Андрей Шопперт: АСТ; Ленинград;

Москва; 2024

ISBN 978-5-17-161181-1

Аннотация

Высший свет Санкт-Петербурга... Каков он в 1801 году? Чем занимается только усевшийся на трон молодой Александр Первый? А чем его мать Мария Федоровна, только что лишившаяся мужа? Поляки вьются у трона и нашептывают императору свободололюбивые глупости. А еще масоны чуть ли не руководят Российской империей. Как и английские дипломаты. Непокойно на Кавказе. На что броситься в первую очередь? А нельзя выбрать. За тебя все выберут. Не «или», а «и». И во дворце нужно действовать, и с англичанами сцепиться, и на Кавказе появиться.

Граф Петр Христианович фон Витгенштейн начинает менять Историю.

Содержание

Глава 1	7
Событие первое	7
Событие второе	13
Глава 2	22
Событие третье	22
Событие четвертое	26
Событие пятое	31
Глава 3	37
Событие шестое	37
Событие седьмое	42
Событие восьмое	46
Глава 4	51
Событие девятое	51
Событие десятое	57
Событие одиннадцатое	61
Глава 5	65
Событие двенадцатое	65
Событие тринадцатое	70
Событие четырнадцатое	75
Глава 6	79
Событие пятнадцатое	79
Событие шестнадцатое	85
Событие семнадцатое	90

Глава 7	93
Событие восемнадцатое	93
Событие девятнадцатое	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Андрей Шопперт

Красавчик. И аз воздам

Серия «Попаданец»

Выпуск 164

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

Ленинград
издательский дом

© Андрей Шопперт, 2024

Глава 1

Событие первое

*Поляки, с русскими не ходите в схватку, сожрем
в Литве, а высрем в Камчатку!*
Денис Васильевич Давыдов

Александр I, в отличие от батяньки, мелким прыщом не был. Даже можно сказать, что прыщом был крупным.

Зря на Екатерину II бочку катят, сколько бы ни было у нее любовников, а сына и наследника родила от мужа. Достаточно сравнить портреты Петра III и Павла I – одна рожа. Отец и сын. И если потом добавить Александра I к этим портретам и Константина, то семейное сходство вообще прямо бросается в глаза. Особенно нос у всех четверых. А если к плеяде этих товарищей присовокупить Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского – основателя династии с его носом, то и понятно станет, почему династия императоров на русском престоле называется Гольштейн-Готторп-Романовской. Все дело в носе. Именно из-за носа Петр I и отдал в жены безземельному, нищему, выгнанному из своих земель голштинскому принцу в жены свою старшую любимую дочь Анну. Иначе ни черта не понятно. Где Петр I и где носатый Карл Фридрих

Гольштейн-Готторпский. Приживался родоначальник династии сначала при шведском дворе, а потом при русском и все метил на престол. А и получил бы даже – это герцогство Готторпское чуть больше по территории, чем деревенька у графа фон Витгенштейна. И целых триста подданных. Только что герцогством называется. В Швеции губу раскатывал даже на королевство, но не срослось. Тогда в России через жену думал к власти пробиться, а тут Меншиков с Петром II. «Алексашка» конкурента выслал назад в Голштинию. Но это ладно. Дело в физиономии. Посмотрел бы в качественное зеркало и понял, что с такой рожей нельзя в монархи. Их же на рублях печатают. Возьмет через некоторое время нумизмат рубль или крону с такой рожей и плюнет на нее. И обваленок. Может, если начистить ему рожу, то краше станет. Нет, как уродцем был, так и остался. Наглядный пример с константиновским рублем. Помрет через двадцать пять лет Александр, ну или в Сибирь монахом сбежит, не суть. Пусть все же помрет, не так обидно. Так вот, помрет – и Госсюет или лучшие люди поскачут в Польшу, Константина на царство звать. И рубли пробные с собой повезут. Положено так. Посмотрит пьяный вечно Константин на константиновский рубль. И отречется от престола. Поймет, хоть и пьяный в драбадан, что нельзя в массы нести такие рубли. Позор на века. Не станет ждать, пока нумизматы на его мерзкую рожу плюнут. Сам плюнет.

Александр был высоким, немного полноватым молодым

человечком с фамильным носом и бакенбардами на круглом, начинающем лысеть, лице. Лысеет голова?! Хрен там, у этого лысело лицо. Залысина на низком, позаимствованном у неандертальца лбу поднималась к темени, а очередной Кутайсов оставшиеся волосы закрутил в кудри и постарался залысину закрутить. Так себе получилось. Но новый Кутайсов не остановился, он взял и в кудри завил еще и огромные бакенбарды, Пушкин потому и не любил Александра, что завидовал его бакенбардам, сам не мог такие вырастить. А Александр смог, прямо капли, должно быть, какие немецкие использовал для ращения волос на щеках. Втирали их ему в щечки кругленькие. Огромные вскудрявленные бакенбарды занимали большую часть лица. И среди этих бакенбардов нос торчал семейный. Нет, вот у графа Витгенштейна тоже нос, греческий такой. Но это же довольно красиво и породисто, а у немелкого прыща Александра нос длинный и пимпочкой-курносиной одновременно. Ужас ужасный.

Рост император новый, на этот момент еще не коронованный, взял не от Петра. Там Екатерина I все подпортила. Она Петру до подмышки не доходила, ну и Анна выросла маленькая, и голштинец мелким был, а потому рост Петра III всего метр семьдесят, а Екатерины II, судя по исследованию скелета, всего 157 сантиметров. В кого было Павлу расти. Павел I, тоже, судя по скелету, был ростом 165 сантиметров. Но... Екатерина II понимала, что император должен быть высоким и красивым, и потому выписала из неметчины великаншу

и красавицу Марию Федоровну в жены Павлу. От нее и пошла стать последующих Романовых. Николай, стоящий сейчас рядом с Александром, вырастет вообще с Витгенштейна ростом – 190 сантиметров. Ну, третий ребенок в семье, витаминчиков больше доставалось. Маман больше яблок покупали, деньжата завелись. И нос уже нормальный, просто длинный, не загнут вверх. А все яблоки.

Вырос Александр до метра восьмидесяти, плюс еще высокие каблуки французских туфель. На полголовы, а то и на всю голову возвышался над свитой, что сейчас разглядывала в упор Петра Христиановича. Александру недавно исполнилось двадцать четыре года. Пацан. Романтичный пацан с завиральными идеями, которым будут крутить амбиции и плохие советчики. Стоящему по левую руку Николаю, которому предстоит разогнать декабристов, пять годков. Еще левее стоит вдовствующая теперь императрица Мария Федоровна. Она ростом почти со старшего сына. В огромном пышном платье стоит, и талия корсетом затянута так, что Гурченко бы от зависти всплакнула. И как Екатерина II нашла ее среди сотен немецких принцесс – эту красавицу гренадерского роста? Да просто. Отец Екатерины был комендантом в Штеттинском замке, там же родилась и Мария Федоровна. После батеньки Екатерины комендантом Штеттинского замка стал батянька на то время еще Софии Доротеи Августы Луизы Вюртембергской – принц Фридрих Евгений Вюртембергский, такая же нищета. Константина нет. Он с Лейб-гвар-

дии Его императорского высочества Константина Павловича полком, бывшим Лейб-гвардии Измайловским полком, убыл на лето в Москву. Готовиться к торжественной коронации старшего брата.

Глаза у Александра еще интересные. Они голубые. Ну, в России не редкость. Так в нем нет русской крови почти. Ничего, у немцев тоже бывают. Арийцы же. Белокурые бестии. У императора они не просто голубые, они как бы светятся этим голубым светом, может, радужка чуть пошире. Но притягивают глаза к себе взор.

По правую руку от него стоит жена. Женили императора очень молодым и очень давно на Луизе Марии Августе, дочери баденского маркграфа Карла Людвига, принявшей в православии имя Елизавета Алексеевна. Год назад у них умерла годовалая дочка. И отдалились уже супруги друг от друга. Наверное, слишком ранний брак тому виной. Шестнадцать лет было наследнику, и не готов был к семейной жизни. Брехт оценивающе поглядел на императрицу. Красивая, не отнять. Также такое белокурое и голубоглазое чудо. Фея. Так и хотелось спросить: «Чего тебе еще надо, хороняка?» (Хороняка – это тот, кто испугался и решил схорониться вместо решительных действий.) Императрица красотою лепа, червлена губами, бровьми союза! А Нарышкина кто? Вон, чернявый пухлик торчит из-за спины. Хрень полная. Только что полячка с выкаченными почти из платья большими титьками. Что за любовь к полякам? Ничего. Скоро от

любви к полякам и полячкам соби́рался отучить Александра граф Витгенштейн.

Ага, а у самого-то жена полячка? Ну, повезло. А еще у него – настоящая полячка. Блондинка – и красивая, и голубоглазая, и высокая, а не эта пухленькая шалава чернявая.

– Граф, вы вовремя... – на языке Наполеона и Франсуазы Саган улыбнулся ему Александр.

Событие второе

– Джон, почему тебя называют Мальшиом?

– На что это ты намекаешь? У меня все пропорционально!

Прием продолжался, гости перетекали от одной группки к другой, перемывали косточки присутствующим и отсутствующим. Ругали и хвалили Наполеона и Георга III, который пару месяцев назад прибрал к рукам Ирландию и на радостях стал безумцем. Брехт, сидя в своем поместье, этих новостей интересных не знал и, услышав, проходя мимо одной из группок, в которой находилась и вдовствующая императрица Мария Федоровна, решил присоединиться и узнать новости двухмесячной давности. Новости рассказывал, можно сказать, его друг и наставник Беннигсен Леонтий Леонтьевич, к нему Петр Христианович и обратился:

– Извините, ваше императорское величество, но в захолустье своем отстал от жизни совсем, нельзя ли мне узнать у рассказчика подробности этих событий. Господин барон, не прольете свет истины на мою заплесневелую от пребывания в деревне голову.

Мария Федоровна милостиво кивнула одному из руководителей убийства своего мужа.

Понятно, что она точно знала, что случилось в спальне у

Павла, об этом говорит то, что все следующие годы она будет мстить убийцам. Всех до единого сошлют в деревни. Она бы и казней добилась от Александра, но смертной казни в деспотической России нет. Еще Елизавета отменила. Зря, конечно, но уж какие есть законы, а соблюдать их надо. А вот барона Беннигсена не тронула, точно знала, видимо, что он не принимал участия в убийстве Павла непосредственно, вышел «туалет поискать». Караулы проверить? Вышел... Вроде как и не виноват.

– Ничего особо и не произошло. В январе этого года Королевство Ирландия было упразднено, и объединенная страна стала именоваться не Королевством Великобритании, а Соединенным Королевством Великобритании и Ирландии¹. Добунтовались. А безумство... Говорят, припадок был у Георга III, чуть жену с сыном не убил, еле скрутили. Говорят еще, что это и не первый припадок, и раньше бывали, в преклонных годах король. Шестьдесят три года уже старичку и сорок с лишним лет на троне, а тут еще покушение это.

– Покушение? – Брехт об этом не слышал.

– Давненько было, но, видимо, отразилось на душевном состоянии короля. Прачка в Лондоне бросилась на Георга с ножом, когда тот карету покидал. Одежду на нем изрезала и немного поцарапала. Объявили ее сумасшедшей и в Бедлам² определили. Там и по сию пору пребывает.

---

¹ United Kingdom.

² Bethlem Royal Hospital.

Да, староват англичанин, который гадит. Но это не помешает ему и королевству руками русских разделаться со своим главным врагом – Наполеоном. И это хорошо. Нельзя объединять Европу. Нужно раздробить ее на мельчайшие кусочки и стравливать их друг с другом. И во всех склоках принимать в конце участие, умиротворять, себе кусочек этого пирога сладкого забирая. Миротворцем быть выгодно. А еще снабжать армии воюющие задорого продовольствием и одеждой. Можно и оружием, но тут проблема, доступа к индийской селитре нет. К чилийской? Рано? Но подумать стоит. А сами ружья? России самой не хватает. Закупает у всего мира. В основном у Англии и Австрии. Чтобы снабжать оружием воюющие европейские армии, нужно строить заводы по производству ружей, а до этого заводы по производству стали. А до этого чугуна... Много нужно заводов. И нужна дешевая рабочая сила. Она сейчас есть. К заводам приписаны деревни, и крепостные крестьяне из этих деревень трудятся на этих заводах. Так что тезис, что нужно освободить крестьян, чтобы были дешевые рабочие руки, придумали большевики. Куда уж дешевле крепостных крестьян. Нужен просто толчок, чтобы богатые люди начали эти заводы строить. Чтобы это модным стало. Можно эту моду попробовать зародить.

– А чем же, граф, вы занимались в своей деревне? – задала очень удачный вопрос Мария Федоровна.

– По вашим стопам пошел, ваше императорское величе-

ство. — Решил Брехт, что самое время начать прогрессорствовать.

Императрица чуть ли не единственный человек на этом собрании, кто, не задрав голову, на него смотрит. Она чуть отошла, отступила на шаг и, немного склонив голову, любопытствовала:

— В каком именно направлении? — сощурила глаза Мария Федоровна. Точно, она же близорука. Нужно очки ей нормальные попробовать сделать. Красивые.

— Открыл школу для крестьянских детей. Слово Божие им отец Ираклий из соседнего села несет, а читать, писать и счету учит девка дворовая грамотная. Она же им сказки рассказывает. Сначала слово Божие, потом кормлю детей, а потом уже учеба со сказками.

Брехт и сам помнил, и от Витгенштейна в памяти осталось, что императрица открыла несколько приютов и школ, в том числе и для девочек.

Правда, с высоты своего положения нашла интересный ход для наведения в них порядка, посетив как-то перенаселенный Московский воспитательный дом. Муж, он же император Павел I, назначил Марию Федоровну главной начальницей над воспитательными домами. Прошлась императрица по кишашему детьми дому и поняла, что лишку тут детей. И решила ограничить количество воспитанников. Так как следствием была чудовищная смертность среди поступивших детей. Ни еды не хватало, ни рук для надлежаще-

го ухода за новорожденными. И велела главная начальница ограничить число лиц обоего пола, воспитывающихся в доме, пятьюстами в каждой из столиц, остальных же приносимых в дом младенцев отдавать в казенные государевы деревни благонадежным и доброго поведения крестьянам на воспитание. Пусть детки приучаются к правилам сельского домоводства. Мальчиков надлежало оставлять у крестьян до 18-летнего возраста, девочек до 15 лет. В воспитательном доме должны были воспитываться лишь совершенно слабые дети, требовавшие постоянного ухода.

– Очень похвально, граф, – Мария Федоровна кивнула и хотела было отойти от их группы к следующей, чирикающей в пяти метрах, но Петр Христианович ее задержал вопросом.

– Ваше императорское величество, я слышал, что вы бесподобно рисуете и еще являетесь единственной женщиной во всем мире, которая на токарном станке вытачивает изделия из янтаря и слоновой кости. Слышал о ваших божественной красоты настольных украшениях и чернильницах.

– Лстецы, граф, но я и правда пытаюсь что-то изготовить по примеру великого Петра на токарном станке. А что, вам нужна чернильница, Петр Христианович? Я пришлю.

– Премного благодарен, ваше императорское величество, с удовольствием буду писать стихи, макая перо в изготовленную вашими золотыми ручками чернильницу, но... Нет, не осмелюсь предложить...

– Да, говорите же, граф, – стукнула Мария Федоровна его

по руке веером, выражая монаршее нетерпение.

– Я слышал о переполненных сиротских домах в столице и Москве, ваше...

– Мария Федоровна, оставим официоз, Петр Христианович.

– Как прикажете, Мария Федоровна. Я подумал, а что если на таком вот мероприятии организовать аукцион ваших работ, может, еще кто из дам света, из фрейлин, вышивает красиво или рисует, и на эти вырученные деньги построить два закрытых учебных заведения. Для девочек – институт благородных девиц, где девочек, а потом и девушек будут учить наукам лучшие учителя из Европы, не только домоводству и языкам, но и химии, медицине, даже физике и математике. Утром нос всей Европе. А мальчиков будут военные учить на очень образованных офицеров. Назовем это заведение Суворовским училищем. И там тоже будут и медицина, и физика с химией преподаваться, а главное – математика, столь нужная артиллеристам и мореходам наука. И у нас будет меньше сирот и больше очень хороших офицеров. Стойте, сейчас подумал! А может – два училища, одно Суворовское, для будущих пехотных офицеров, а второе назвать в честь нашего знаменитого адмирала Василия Яковлевича Чичагова, и его же и поставить им руководить. Нечего ему на печи лежать. Пусть детям и юношеству свой опыт и знания передает. Имея перед глазами каждый день такого героя, и сам тянуться к подвигам будешь. А чтобы деньги не брать в дальнейшем из

государственной казны на эти училища, нужно создать фонд благотворительный имени государыни императрицы Марии Федоровны и проводить и дальше благотворительные аукционы и лотереи. Билеты прямо настоящие, как ассигнации, печатать на Монетном дворе. Розыгрыш призов раз в месяц. Две трети собранных денег на училища эти и приюты, а треть на призы. И призы ведь тоже могут быть из картин и вышивок ваших подопечных из благотворительного фонда, можно и табакерки с вашим портретом. С портретом Александра Павловича.

Мария Федоровна изобразила на челе задумчивость. Ничего особо нового граф не предлагал, ну, разве что эти училища полувоенные, но вот все вместе – стройную систему, вполне себе продуманную.

– А если не захотят покупать билеты эти? – Погрозила государыня пальцем в сторону заполненного гостями зала.

– А если не будут брать – отключим газ.

– Что вы сказали, граф? Газ?

Вот ведь блин. Но прямо сорвалось само.

– А если не будут брать, то не будем приглашать на бал. Прямо глядя в глаза, так и скажете: хотите быть приглашены – подумайте о сиротках.

– Петр Христианович, вы можете завтра на обед подойти ко мне в Зимний дворец. Обсудим все более подробно, может, даже план накидаем этого грандиозного прожекта.

– Знаете, Мария Федоровна... – Брехт замялся.

– Не хотите со мной увидеться? – отстранилась вдовствующая императрица.

– Что вы, ваше императорское величество, просто ваш сын и мой император вернул мне генеральское звание и вновь назначил шефом Мариупольского гусарского полка, и попросил быстрее отбыть к ним и навести там порядок и еще помочь цесаревичу Константину в организации торжеств коронационных.

– Наш Ангел велел, а я его уговорю оставить вас, Петр Христианович, ненадолго в столице. Костенька там без вас неделю-другую обойдется.

– Наш ангел?

– Это детское семейное прозвище Александэра. – Улыбнулась такой светлой – материнской улыбкой Мария Федоровна, но в то же время грустной.

Конечно, Екатерина чуть не в первый день еще не отмытого младенца к себе забрала от матери. Государя воспитывать. А потом и вскоре родившегося Константина. Не успела Мария Федоровна с ними материнским теплом поделиться.

Точно, до самого последнего императора останется в царской семье эта традиция давать детям прозвища домашние. А что, императоры не люди? У всех же в детстве были прозвища.

Когда императоры повзрослеют и отметятся делами, им уже народ заслуженные прозвища давать будет. Вон того милочка мальчика Ники обзовут Палкиным. Александру Перво-

му титул Благословенного преподнесет Сенат в 1814 году, за спасение Отечества от наполеоновского нашествия. И народ этот титул примет.

Одно интересное прозвище будет и у последнего русского императора Николая II. Обзовет его придворная камарилья Ананасом. Возникновение этого необычного прозвища связано с тем, что в своих речах Николай часто использовал сочетание слов:

«А на Нас выпало...»

«А на Нас свалилось...»

«А на Нас легло бремя...»

Глава 2

Событие третье

*Цветут, жужжат и чудно пахнут
Весной поляны и лужки,
И графоманы, и поэты
Слагают о любви стихи.*

Алиса Патрикеевна

Ивашки с Семой Тугоухим добрались до Санкт-Петербурга через два дня после графа. Путешествовали неспешно, не загоняя коней, на дормезе. Для Семена успели вышивальщицы смастерить – построить фрак хороший, с камзолом, понятно, и он изображал из себя барина бохатого (дормез-то княжеский). Бохатого, но неразговорчивого. Французского дезертир не знает. Приехали и подкатили к дому на Миллионной, куда Петр Христианович опять заселился. Валериана Зубова в Питере не было, он уехал в Москву, помогать Константину готовить Первопрестольную к коронации.

После приема в Зимнем дворце прошло уже два дня, а ни от вдовствующей императрицы, ни от Александра вызова или приглашения не поступало. Петр отправил Вань-

ку-младшего следить за одним местом в Петербурге, а сам прошелся по петербургским ювелирным магазинам. По дороге зашел по сообщенному Беннигсеном адресу. Нужно было подкрепить свою идею по внедрению в войска новой тактики хоть парой бумаг, написанных авторитетом.

На Крюковом канале стоял длинный двух-этажный дом с двумя сиротливыми балкончиками. Номеров для домов еще не придумали, но дом не спутать, точно его Леонтий Леонтьевич описал. Дом принадлежал некоему Дмитрию Ивановичу Хвостову, которому посчастливилось жениться на княжне Аграфене Ивановне Горчаковой – дочери генерал-поручика Горчакова и любимой племяннице Суворова. Хвостов сейчас был супер-пупер какой шишкой. Ни много ни мало, а обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода. Это не главный по тарелочкам, но это человек, который имел непосредственный доступ к императору и являлся связующим звеном между Синодом и монархом. Если что, то через век именно таким «обер-прокурором» станет Победоносцев.

Дмитрий Иванович, кроме всего прочего, был еще и поэтом – графоманом, правда, в те годы слово «графоман» еще не употреблялось, назывался более красивый термин – метроман.

Кроме разруливания склок среди монахов, Дмитрий Иванович был еще и поэтом. Написал множество стихов, перевел на русский стихотворный большое количество импорт-

ных стихов, а еще писал пьесы, которые с переменным успехом ставили в театре. Говорят, что Суворов на смертном одре попросил мужа любимой племянницы не писать стихов, а если не получится не писать, то хотя бы не издавать их. Дмитрий Иванович предсмертную просьбу генералиссимуса не выполнит, он будет продолжать писать стихи, издавать их огромными тиражами за свои деньги и потом «дарить» – всучивать всем подряд. И станет объектом для насмешек всего Санкт-Петербурга.

Зашел граф фон Витгенштейн в этот гостеприимный дом по той причине, что именно здесь около года назад скончался Александр Васильевич Суворов. Ему для реализации плана по изменению тактики ведения войны нужен был доступ к архиву Суворова. Во-первых, жаль будет, если он сгорит в 1812 году, вместе со всей Москвой, а во-вторых, нужно добавить к этому архиву якобы записки самого генералиссимуса о «правильном» построении войск, об окопах, о правильном применении егерей, ну и... Много чего можно добавить.

Как это сделать? Да просто, сейчас есть в столице десятки людей, которые зарабатывают себе на жизнь тем, что составляют прошения, пишут письма и завещания и т. д. и т. п. Каллиграфы! Писарчуки. Стряпчие. И можно вполне найти среди них человека, который за небольшую денежку превратит измышления Петра Христиановича в наследие Александра Васильевича. Подделает почерк. Что сделать потом с товарищем? Чтобы не захотел сей тайной поделиться? Не

решил пока Петр Христианович, но, наверное, среди сей мафии писарчуковой есть такие, которые подделывают завещания. Преступники. Преступник должен сидеть в тюрьме? Или лежать на кладбище. Под гранитной плитой с надписью: «Никогда не упускайте возможности увидеть что-нибудь прекрасное, ведь красота – это почерк Бога. У усопшего почерк был еще лучше».

Но сначала нужно получить доступ от обер-прокурора к этому архиву. С Хвостовым Петр Христианович был знаком шапочно. Петербург это большая деревня, все друг друга знают. Не было приглашения. А может, и было? Давненько, должно быть, при встрече на каком-нибудь балу или приеме обмолвился сей господин, мол, заходите граф, будем рады... А если и не говорил, то не вспомнит об этом, а даже и вспомнит, то из вежливости не прогонит.

Брехт остановился перед дверью длиннущего двухэтажного дома на Крюковом канале и решительно постучал в нее подвешенным молоточком.

Событие четвертое

У меня есть два недостатка – плохая память и что-то еще...

Вообще, у меня отличная память на имена. Просто я не помню, какое из них твое...

Дверь открыл ливрейный лакей, но из-за его плеча высунулась необычная рожица. Полная немолодая женщина в белом чепце улыбалась графу. Брехт ее не знал. Но каждый раз его в таких случаях посещала мысль, что, должно быть, именно этот кусочек памяти Витгенштейна ему и не достался.

– Кхм, ваше превосходительство? – поклонился лакей.

Что-то явно не так. Вот только что?

– Это дом обер-прокурора Дмитрия Ивановича Хвостова? – попытался улыбнуться даме в чепце Брехт.

– Ну, что вы, граф, это мой дом, – махнула на него ручкой из-за спины лакея дама.

Граф? Получается, что он с этой тетечкой знаком. А Хвостов? Беннигсен дал неверный адрес? Ну, номеров домов в привычном виде сейчас еще нет. Номера есть у участков, и они просто пронумерованы по нарастающей. По мере строительства. Рядом могут находиться дома 234 и 431. У этого дома как раз и был номер 234, и именно этот номер назвал

ему генерал Беннигсен.

– Извините, мне этот адрес назвали, перепутали, должно быть. – Как к этой женщине обращаться, чтобы такой огромный дом иметь в Петербурге, нужно быть очень богатым человеком, и она сказала, что дом ее, а не мужа. Вдова?

– Заходите, Петр Христианович, все правильно вам сказали, я сдаю второй этаж дома нашему пииту. Дмитрию Ивановичу. – Женщина оттолкнула легонько ливрейного товарища и протянула руку для поцелуя.

До последнего времени уже четыре месяца почти находясь в этом времени Брехту почти не приходилось ручек целовать. Придется привыкать. Рука была пухленькая и ароматная, так пахнуло чем-то южным.

– У Дмитрия Ивановича сейчас дочь Александра Ивановича – Наташенька. Он вас приглашал?

– Нет. Хотел побыть в месте, где скончался наш великий полководец... – Петр даже не заметил, как голос сорвался, ветер холодный, должно быть.

– Конечно, Петр Христианович. Инесса проводит. А потом обязательно ко мне, почаевничаем, Аркадия Ивановича вспомним, а то и помянем. Он частенько рассказывал, как вы с ним генерала польского Ежи Грабовского пленяли под Варшавой в Праге ихней. – Вдова протянула руку, и на свет из тени выпорхнула еще одна обитательница дома, подала даме в чепце платок, которым та сразу и воспользовалась, промокнув глаза и нос.

А Брехт вспомнил. Вот этот кусок памяти от Витгенштейна ему достался. Точно, он в 1794 году вместе со своим командиром полковником Фоминым во время атаки на предместья Варшавы Праги был свидетелем гибели генерал-поручика Ежи Грабовского. Только там все было наоборот. Генерал тогда командовал русским или точнее российским подразделением добровольцев, набранных из белорусов – литовцев. А в плен они тоже вместе с Фоминым взяли генерала Грабовского при захвате Вильно, обороной которого и руководил генерал-поручик, командуя литовской дивизией. Что-то не вязалось в рассказе бывшего его командира полковника Фомина жене с тем, что произошло на самом деле. И там еще непонятная история была с гибелью командира корпуса польского генерал-лейтенанта Антония Хлевинского и последующими событиями. Казна польского корпуса исчезла. А Ежи Грабовский погиб на глазах Витгенштейна в ноябре 1794 года, уже принеся присягу на верность русскому генералу Николаю Репнину. Казна? На какие деньги мелкопоместный полковник купил огромный дом в Санкт-Петербурге?

Нет. Не надо. Зачем ворошить прошлое? Сам собирается получить стартовый капитал за счет поляков.

– Конечно. Почаевничаем. – Граф щелкнул каблуками. Получилось. Пол паркетный, навощенный, скользкий.

– Инесса, проводи Петра Христиановича к Дмитрию Ивановичу.

– С удовольствием, Марфа Васильевна. – Инесса опять вышла из тени.

Немка? Красивая, высокая, бледная только, еще и специально, наверное, пудрами и белилами всякими намазанная, как у покойника лицо. Загара бы южного девушке и топик с шортами. Н-да... Зато грудь почти вся на виду. Плечи открыты, и платье непонятно на чем висит, почти не закрывая высокую и полную грудь. Тоже белилами закрашенную. Мраморный такой бюст получается. Чуть бы еще его бюстгальтером приподнять. Может, его изобрести надо? Брехт оценивающе глянул на провожатую, улыбающуюся ему. А ведь не получится к ней лифчик приделать. Плечи полностью открыты, бретельки смешно будут смотреться. А если придумывать без бретелек вариант, то технологии сейчас не те, где взять резину и пластмассу? И главный аргумент против изобретения бюстгальтера еще есть. Граф Витгенштейн войдет в историю как спаситель Петербурга. Нормально. А вот граф Витгенштейн спаситель Петербурга и изобретатель лифчика – это ни в какие ворота. Придется дамам Петербурга обойтись.

– Марфа Васильевна, я не прощаюсь, на обратном пути обязательно у вас задержусь, повспоминаем за чаем и помянем Аркадия Ивановича.

– Пойдемте, ваше сиятельство, – Инесса указала рукой на следующую комнату, там большую ее часть занимала парадная лестница с золочеными балясинами.

Инесса шла впереди и даже оглянулась один раз, проверяя, очевидно, не заблудился ли генерал. Отстал и потерял ее из виду, как в густом лесу. Комната метров пять на пять и лестница, где тут блудить. И вдруг, когда они уже почти подошли к лестнице, женщина бросилась ему на шею и впи-лась губами в его губы.

– Где ты был столько времени?

Ну, твою же налево! Ну, нечестно так! Верните воспомина-ния графа. Вот про Инессу, например. Хорошие, должно быть, воспоминания. Вон, какая страстная девица. И фигур-ка... Н-да, а граф-то ходок. Даже завидно.

– Царская немилость...

Событие пятое

Не водкой единой пьян человек!

*Алкоголь в малых дозах безвреден в любом
количестве!*

Обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода Хвостов Дмитрий Иванович был человеком почти отталкивающей внешности. Длинный подбородок, нос тоже длинный с горбинкой, но если графу Витгенштейну почти такой же нос придавал мужественности и изюминки к внешности, то чуть более крючковатый нос обер-прокурора вместе с нависшими над подбородком щеками и полная безусость делали «родственника» Суворова некрасивой хищной птицей. Добавить стоит всклокоченные чуть седые волосы — как-нибудь так рисуют бабок-ёжек. И высокие кустистые, странно изогнутые брови в картину вписывались, будто он ими удивляется обеими сразу. При этом это был честный, добрый человек. И до кучи еще и поэт. Сейчас, не обернувшись на вошедших в комнату Витгенштейна и Инессу, он стоял, опершись о бюро, с разложенными на нем в беспорядке бумагами и писчими принадлежностями, смотрел в потолок, стоя вполоборота к окну, и читал басню.

Однажды после пира

Ворона унесла остаток малый сыра,

С добычею в губах не медля на кусток
Ореховый присела.
Лисица к сыру подоспела
И лезть, как водится, запела
(Насильно взять нельзя): «Я чаю, голосок
Приятен у тебя и нежен и высок».
Ворона глупая от радости мечтала,
Что Каталани стала,
И пасть разинула – упал кусок,
Который подхвата, коварная лисица
Сказала напрямки: «Не верь хвале, сестрица,
Ворону хвалит мир,
Когда у ней случится сыр».

Сидящие у противоположной стены дамы жиденько зааплодировали. Одна была дочерью Суворова, вторая племянницей, а самая старая, должно быть, сестрой. Три родственницы.

– Отлично, Дмитрий Иванович. У вас получилось лучше самого Эзопа. – Тоже похлопала в ладоши Инесса.

Пиит обернулся и увидел вошедших.

– Граф, рад, что вы заглянули. Сейчас подадут жженку. Привык я к ней, с Александром Васильевичем по миру скитаясь. И вас угощу, родственник любил ею греться в походах.

Ну вот и этот Витгенштейна знает. Сейчас начнет общих знакомых вспоминать, а Петр Христианович их не помнит. Засада очередная.

– Не откажусь, сыро и ветрено на улице, – чуть поклонился Брехт.

– Как вам новая басня моя? – и рожа такая довольная, ожидающая похвалы.

У Крылова лучше получится. Человечнее. И рифмы лучше. Тут явно суворовский лаконизм присутствует и его же манера обрубать предложения, не растекаться «мыслью по древу».

– Дмитрий Иванович, вот представьте, через сто лет будут в школе изучать ваши басни дети, прочтут эту и будут друг у друга спрашивать: «Кто такая Каталани?» Ваши басни и стихи легко это столетие преодолеют, а вот про тетку эту никто и не вспомнит. Может, стоит убрать это имя и заменить на что-то другое:

Какие перушки! Какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,

При красоте такой и петь ты мастерица, —

Ведь ты б у нас была царь-птица!

А еще вот этот кусочек: «С добычею в губах», в *губах*. У вороны? А сыр во рту держала – не лучше ли, дорогой Дмитрий Иванович. Или даже: а в клюве сыр держала.

– Надо же. Хм. Спасибо за честные слова, Петр Христианович, а то эти лъстицы захвалили меня. Верно, вы заметили про губы и Каталани. Исправлю. Так и представляю себе этих

ваших «студиизов» через век, перебивающих мне косточки. – Обер-прокурор Синода погрозил пальцем женщинам, сидящим на оттоманке у стены, и прикрикнул, хриплым, похожим на то самое карканье вороны, голосом: – Сенька, ну где жженка?

Брехт усмехнулся. На самом деле, именно жженка! Когда фильмы про гусар снимают, то они все с бутылками шампанского. Пока его немного в России и доступно оно только богатым людям. Сейчас гусары пьют жженку. Тоже не дешевый напиток, но по мозгам ударяет быстрее и в разы сильнее, и самое главное, есть процесс приготовления. Обряд. И в каждом полку он свой.

Процесс приготовления этой жженки в Мариупольском гусарском у Брехта в памяти есть. Странно недостаток голубого порошка сработал, что нужно, если, то накость выкуси, а вот ерунда типа приготовления жженки гусарской – так пожалуйста. Пей, не хочу.

Для процесса этого нужна компания, во-первых. Объем после окончания священнодействия получается приличный, и в одну харю его не – выпить.

Нужна широкая и глубокая металлическая посуда, в которую влезут все необходимые ингредиенты. И это во-вторых.

Заливаем в нее одну бутылку белого полусладкого и добавляем одну бутылку шампанского и сахар-песок. Сахара нужно около килограмма. Затем необходим ананас. Овощ

этот заморский режим небольшими кусочками и также отправляем в кастрюлю.

Дальше пока просто все. Греем эту смесь на медленном огне, не доводя до кипения – как глинтвейн, около пятнадцати минут. Если нужен глинтвейн, то все готово, налетай. Но нет. Нужна жженка, а потому – продолжим.

А после начинается и сам процесс – обряд.

Над посудиной устанавливаем три перекрещенных сабли. (Если кто в наше время решит попробовать гусарскую жженку, то за неимением сабель может заменить их длинными шампурами.) Укладываем на получившееся перекрестье сахарную голову. (В наше время можно заменить выложенный пирамидкой кусочковый рафинад.) Дальше обливаем сахар ромом, лучше поискать покрепче, он должен быть непременно крепким и теплым (иначе не загорится), и поджигаем.

Когда процесс пойдет, то всей компанией нужно начинать петь гусарские песни. В противном случае тоже получится жженка, но это будет уже другая жженка, не настоящая. В наше время подойдет «Поручик Голицын» или «Давным-давно». Дальше нужно выбрать самого ответственного товарища, который будет понемногу подливать ром половником на сахар, чтобы горение не прекращалось. В идеале, за то время, пока сахар оплавится, должна уйти вся бутылка. Товарища нужно обязательно выбрать не больно разговорчивого, чтобы петь не мешал, и со стальной волей, чтобы не соблазнился на проверку рома на крепость оральным спосо-

бом. Пригубит, отхлебнет, подержит во рту, определяя градусы, и заорет: «Маловато будет».

Когда сахар догорел – в кастрюлю выливается вторая бутылка охлажденного шампанского.

Всё, остается только перемешать и разлить по хрустальным непременно фужерам. Звон должен быть. Иначе тоже не жженка.

– Петр Христианович, пожалуйста к столу. И вы, Инесса Яковлевна, присоединяйтесь. Чувствуете, запах пошел. – Хвостов сделал приглашающий жест к большому круглому столу, стоящему посреди комнаты.

Глава 3

Событие шестое

*Ручки, ножки стали зябнуть – не пора ли нам
дерябнуть?!*

*Любимого нужно холить и лелеять: от этого у
него растет холка и лелейка!*

Очнулся Петр Христианович от холода. Сквознячок пробежал по голым ногам. Граф пошарил рукой в поисках одеяла, сбросил, наверное, во сне. Лежал он на боку правом и справа от себя одеяло и пошукал, похлопывая по перине. Не было ни одеяла, ни покрывала, даже тоненькой простыночки и то не было. Наверное, с другой стороны, решил Брехт и, скрипя шарнирами, повернулся на спину. Что-то было не так с организмом, но пока в голове была только мысль укрыться. Граф Витгенштейн приподнял левую руку и похлопал слева от себя в поисках тепла. Нашел. Уже на втором хлопке наткнулся на что-то теплое. Провел по нему рукой. Поверхность была чуть шершавой, в пупырышках и волосиках. Но в то же время поверхность была теплая и вызывала желание повторить поглаживания. Чего противиться. Повторил. Амплитуду увеличив. На этот раз тактильные ощу-

щения поведали графу, что ниже есть более волосатые фрагменты теплого предмета, и там исследуемый предмет теряет мягкость. А если выше? Рука, послушная сигналу гипофиза и прочих гипоталамусов, поползла по гладко-тепло-пупырчато-волосатому предмету вверх. Пупырчатость усилилась, волосатость уменьшилась, теплоть увеличилась, как и размеры предмета. Он расширялся кверху. Наконец, рука добралась до высшей точки, и дальше начинался спуск. Со спуском генерал решил не спешить и задержался на вершине. Нужно ее внимательней изучить. Повозил Петр Христианович по ней ладонью. И это возение привело к не-ожиданному результату. Предмет тепло-волосатый шевельнулся и закинулся графу на живот. А еще что-то мохнатое в нос уперлось. Ясно, это собака к нему на кровать забралась.

– Mignon³, – прошептала забравшаяся к нему собака. Прошептала и закинула на него вторую лапу – верхнюю... Переднюю?

Граф решил говорящую собаку погладить. Странные изгибы. А еще что-то под ногой собаки начало шевелиться и пытаться из-под ноги чужой вылезти. Но удивиться всяким шевелениям Брехт не успел, собака лизнула его в губы и сунула ему в рот неизвестный предмет, прямо как флешку в гнездо. Флешка повозилась у него во рту, потом вытащили ее, видимо, проверяли, той ли стороной вставили. Убедились, что да, правильной, и снова вставили в разъем. И так

---

³ Милый.

несколько раз. Потом довольно долго флешка шевелилась у Витгенштейна во рту, а затем неизвестное устройство стало высасывать из него информацию и воздух. Не, в голове у него столько информации, которую нельзя доверять никому, даже говорящим собакам. Тем более говорящим собакам. И Петр Христианович решил побороться с агрессором. Он своей богатырской силищей приподнял говорящую шпионскую собаку и повалил ее рядом с собой. Сам навис над шпионкой и решил информацию, выуженную у него, назад вернуть, свою флешку вставил в приемное устройство и стал выкачивать информацию.

– Mon amour, – прошептала шпионка и обхватила графа за спиной ногами.

Неожиданно оказалось, что у графа есть еще одна флешка, а в шпионском организме есть материнская плата с разъемом. Пришлось и туда вставить. И организм под ним, кем бы он ни был, стал мычать и дергаться. Очевидный сбой в программе. Но сбой этот был заразительным, и граф поддался этому неровному ритму. Собака под ним начала рычать, а потом перешла на скулеж и стала двигаться еще интенсивней. Ужас просто. Нужно как-то сломать это непонятное устройство. И тут нижняя флешка сама до этого додумалась и выпустила вирус в материнскую плату. Устройство дернулось еще пару раз и затихло. Сработало. Вирус угробил чуждую программу. Брехт вытащил из устройства обе флешки и отвалился от горячей оболочки на спину. Справился.

– Mon amour.

Нет, вирус программу не угробил, флешка чуждая прошла по его уху и нырнула в ушную раковину. Нет, допускать выкачивания информации нельзя. Петр Христианович вновь взгромоздился на шпионскую оболочку и опять воспользовался обеими флешками. Устройство снова начало дергаться. Работала проклятая программа, зря радовался.

На этот раз борьба с вредоносной программой продолжалась дольше, шпионский организм извивался, дергался, мычал, рычал, шептал. Тем не менее графу снова удалось направить в материнскую плату вирус. Устройство дернулось, выкарабкалось из-под графа, прижалось к нему и засопело. Точно собака, в смысле – точно. Собака.

– Mignon, – и засопела громче.

Граф прошелся горячей ладонью по влажной спине устройства. Волос не было. Спина была теплая, мягкая и чуть скользкая от пота. Ну, слава богу, не собака. Девушка. Мастерница. Как мастерски с ним справилась и запутала.

Мысли, не высосанные до конца шпионской девушкой, шевелились вяло. Третий бокал жженки граф помнил, тост был за дам. Пятый тоже помнил, за матушку чью-то пили. Шестой пили за лисимуса. Нужно потом спросить, кто это такой. Лисимус? Нет, никаких ассоциаций. А вот дальше было хуже. Вроде еще был тост за тактику. Или текилу. Невнятно стал тосты обер-прокурор произносить. Ага, еще: «За нас, пиитов». Несколько, выходит, поэтов было за столом. Навер-

ное, это та старушка, что все время слезы платочком утирала. Жалостливые, видимо, стихи читали. Вспомнить бы какие и кто?

Событие седьмое

Запомните: всегда будет следующий поезд.

На этот раз граф проснулся от удара локтем по ребрам. Больно же. Шпионская девица зарядила. Островат локоток. Брехт попытался протестировать свое самочувствие. Хотелось множество вещей сделать одновременно. Главным чувством было все же желание посетить... горшок. Н-да, под кроватью должно находиться сие керамическое чудо инженерной мысли. Только вот рядом сопела Инесса. Вот, оказывается, кто в него флешку толкал ночью и в кого потом он. Справлять всякие нужды большие и маленькие в шаге от девушки было перебором. Не медсестра же она, а он не лежащий больной с судном-уткой.

Отложить Брехт решил эту потребность на некоторое время, хоть настоятельно и требовал действий от него организм. Вторая потребность тоже была, и не менее актуальная. Жутко болела голова, мешая думать и вообще чувствовать себя человеком. Алкозельцеров и даже анальгинов еще нет, и он даже не доживет до их появления. Была колдунья Матрена, она же баба Яга, живущая в домике на курьих ножках. Она дала графу с собой кучу кувшинчиков небольших с настоями и отварами и мешочков с травками. В одном из кувшинчиков был, насколько понял граф из описания действия это-

го девайса, коктейль из смеси анальгина и аспирина. Не химия, естественно. Ива, возможно, малина и... хрень хреновая. Горечь горькая, коричневая, но работала отравя, Брехт убедился. Простыл в деревне, гоня дезертиров, ему Матрена и дала пару глотков этой гадости. Пивнул – и симптомы гриппа ушли. В голове сквозняк и члены не крутит. А потом и насморк исчез. Испугался коричневой гадости.

Нюанс был. Кувшинчик коричневый с коричневой жидкостью был в доме у Валериана Зубова вместе с остальными его вещами. А он, судя по задрапированным желтой тканью стенам, в доме обер-прокурора Синода. Вчера еще вкусу хозяина поразился. Цвет желтый-то желтый, но с коричневым. На понос смахивает. Несколько одинаковых поносных коммат.

Опять придется отложить и это желание, как и первое. Да и без этих хватало желаний. Хотелось принять ванну, выпить чашечку кофе. Попариться в бане, только не черной. Настоящей. Брехт закрыл глаза, чуть отодвинулся от сопевшей в плечо Инессы и начал себя жалеть. Не будет унитаза, туалетной бумаги, ванн с теплой водой, душа. Можно все это сделать? Можно. Для этого нужны деньги и нужно плюнуть на армию и заняться бизнесом, изобретательством. Построить дом с водопроводом. Англичане уже изобрели паровые котлы, пусть несовершенные и маленькие, но есть. Да и наши скоро делать научатся. В Екатеринбурге на Плотинке есть памятник паровозу «Братьев Черепановых». Лет че-

рез двадцать сделают. В музее крае-ведческом в Свердловске Брехт был, когда в УПИ учился и узнал интересную штуку про «братьев». Оказывается, они даже и близко не братья. Они отец и сын. Стоп, стоп, стоп. Что там гидесса про отца рассказывала? Он сейчас где-то здесь в Ленинграде, тьфу, Санкт-Петербурге, а еще точнее, в Выборге. На заводе англичанина, как раз изучает паровую машину. Что-то там про подачу воздуха в домну. Найти? Он крепостной. Выкупить. Построить ему мастерскую. И прогрессорством заняться. Царскосельскую железную дорогу создать на четверть века раньше, а то и на тридцать с хвостиком. В Англии в этом году на заводе Стефенсона начнут паровозики делать. Или в следующем. Да не важно. Первые «паровозы», что возили составы до Павловска, были на четырех ногах и какали по ходу движения на рельсы. Яблоки на снегу...

– Граф, – из-за шторы показалась страшная, всклокоченная со сна, растрепанная голова обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода Дмитрия Ивановича.

– Слушаю вас, Дмитрий Иванович, – приподнимаясь на локте и пытаясь одновременно прикрыть одеялом прелестные прелести нижней чакры Инессы, зашипел Брехт. Нет, столько разнонаправленных действий организм осилить не смог, в результате одеяло перетянул, оно сползло на пол, открыв взору главного по церквам и благочинию прелести прелестницы и стать графскую.

– Граф, – обер-прокурор улыбнулся кончиками губ.

Страшно. Представьте сморщенного старого вампира с крючковатым носом и оскал на нем. Кровь с губ капает. Цвет странный. Коричневый. – Граф, подлечиться не желаете, там на пару фужеров жженки осталось. На подоконнике стояла. Холодненькая. Хорошо! – И еще сильнее оскалился.

– Исцеляй подобное подобным. *Similia similibus curantur*. Вы гомеопат⁴, Дмитрий Иванович?

– Точно, пойдемте, сподобимся. И вы мне тот стих еще прочитаете, я запишу. – Всклооченный вампир из-за шторы скрылся.

Как люди вообще живут в этой анфиладной системе комнат? Трудно до коридора додуматься? Где тут личное пространство? Брехт встал, несмотря на ураганный ветер и пятибалльный шторм. Даже умудрился поднять с пола одеяло и прикрыть нижнюю чакру шпионки, на всю не хватило. Косо спланировало, а на поправить сил уже не осталось. Так трубо организм завопил о горшке, что пришлось добыть его из-под кровати и угнездиться.

---

⁴ Гомеопатия (от *греч.* ὅμοιος – «подобный» и πάθος – «болезнь»).

Событие восьмое

*Где тревога, туда и дорога; где ура – туда и пора;
голова хвоста не ждет.*

*Опасности лучше идти навстречу, чем ожидать
на месте.*

А. В. Суворов

Гомеопатия сработала, через десять минут от всех прежних желаний осталось только одно – принять ванну. Жженка почти убрала головную боль. Петр Христианович даже вспомнил, зачем оказался в этом доме.

– Дмитрий Иванович, а у вас архива вашего дяди не осталось? Тяжко нам без него придется. Французы не успокоятся. Не миновать нам войны с Наполеоном очередной. Может, в бумагах Суворова подсказка есть, как с Буонопартием воевать. – Зажевывая нектар горячим пирожком с малиной, глядя прямо в глаза обер-прокурора, поинтересовался Брехт.

Взгляд вильнул. Есть, выходит, но почему-то не хочет показывать.

– Там в основном личная переписка, мои письма к дяде...

– Дмитрий Иванович, вы же на себе прочувствовали, что Наполеон серьезный противник. Его лихой сабельной атакой не победить. Обещаю, ваших писем и писем Александра Васильевича женщинам читать не буду. Только про тактику.

– Хорошо, только вы мне то стихотворение запишите. –

Опять показал клыки вампир. Блин, жутко-то как. Дал бог внешность. В двадцать первом веке мог бы стать известным актером, злодеев играя.

– Дмитрий Иванович, я перепил явно вчера, не подскажите хоть пару строчек, чтобы я вспомнил, о чем речь. Честное слово, не помню, что за вирши вчера декламировал. – Чистая ведь правда.

– Что-то про чудное мгновение.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья...

– Как вы точно описали свое пребывание в деревне в ссылке.

Твою же налево!!! Выбрал так выбрал. Витгенштейн наше всё! Витгенштейн – солнце русской поэзии. Брехт чуть за голову не схватился. Нельзя Пушкина обворовывать. Потом при Николае сослать в деревню навсегда нужно будет. Пусть там сидит и стихи со сказками пишет. И Дантеса с его дядей бельгийским раньше пристрелить. Про бельгийского посла Брехт смутно помнил. Ни фамилии, ни времени его пребывания в России. Придется всех бельгийских послов уничтожать. А может, не бельгийский? Голландский? Их тоже всех перестрелять. Мор в России напал на послов Бенилюкса. Падучая. Или не дядя. Точно – приемный отец. Ладно, далеко еще. Тот Дантес еще и не родился. Что со стихом-то делать?

– Экспромт был, Дмитрий Иванович, сейчас всего и не вспомню, сесть с ручкой надо.

– С ручкой?

«Да, что же это такое сегодня!» – про себя выматерился Брехт. Перри еще лет через тридцать начнет перья выпускать. Теперь еще и перьевую ручку придется изобретать. Хотя... ограбить англичан – это богоугодное дело.

– С пером, естественно, гусиным. Это у нас поговорка семейная. Перо же в руке держат. Вот ручкой его и называли папан и маман. И мне передалось.

– Хорошо, только не тяните с этим, дорогой Петр Христианович. Ваш тост про матушку государыню по всему Петербургу разошелся. Божественно. А теперь еще это «Чудное мгновение». Завидую вам. Редкий дар пиита у вас. А я бьюсь и бьюсь, и понимаю, что ваших высот, граф, мне не достичь. – Обер-прокурор шмыгнул носом и, так и продолжая шмыгать, потянул Брехта за руку в соседнюю комнату.

– Вот тут и почил в бозе⁵ Александр Васильевич. А вон, на бюро, в углу, его саквояж с бумагами и в самом бюро в ящиках еще есть. Только вы уж письма обещайте не читать. Там личное.

– Торжественно клянусь.

– Что ж, распоряжусь кофею вам сюда подать. – Хвостов опять шмыгнул носом и удалился.

Брехт огляделся. Комната была большой и от этого каза-

---

⁵ Уснуть в Боге.

лась пустой. Стояла у стены оттоманка. Рядом лавка. Широкая, на которых спят. Вдоль противоположной стены с четырьмя окнами на Крюков канал стояло несколько венских стульев между окнами. И в углу рядом с окном стояло это самое бюро. Старенькое, кое-где поцарапано. На одном из ящиков отломана деревянная пимпочка – ручка. Бедненько.

Только Петр Христианович стал выдвигать ящики, как опять пришел хозяин с девкой рыжей-конопатой, которая поставила на подоконник поднос серебряный с малюсенькой фарфоровой чашечкой, в которой был кофе. Запах пополз по комнате, забрался Брехту в нос и дал команду отложить архивариусные дела и заняться организмом. Нужно пять таких чашечек и пару пирожков этих божественных с малиной.

– Петр Христианович, не буду вас больше беспокоить. Съезжу в Синод. Дел за несколько дней, должно быть, накопилось.

Брехт вчера проходил по Сенатской площади. Зданий Сената и Синода еще нет. Позднее построят. Синод сейчас располагается в здании Двенадцати коллегий, которое находится на Университетской набережной Васильевского острова. Напротив Английской набережной. Блин. А ведь ему нужно было вчера появиться там. Посмотреть на дом на Галерной, где сейчас поселился новый английский посол барон Аллейн Фицгерберт. Пора засвидетельствовать ему свое почтение.

– Дмитрий Иванович, а можно мне и завтра прийти к вам, вон сколько бумаг. Боюсь, не успею сегодня.

– Да хоть переселяйтесь. Не стесните, и Марфе Васильевне – хозяйке нашей приятно будет. Скрасите разговором скуку хозяйки дома. Опять же Ин... Опять же и мне вечерами будет с кем словом обмолвиться.

– Спасибо, дорогой Дмитрий Иванович, так, наверное, и поступлю. Голова трещит, Дмитрий Иванович, нельзя попросить диву вашу рыжую принести еще четыре таких чашки кофею и пирожки эти божественные с малиной.

– С удовольствием. Дак, может, вам в столовую подать, и жена моя – Аграфена Ивановна, скоро завтракать будет.

– Нет, спасибо, Дмитрий Иванович, неизвестно, сколько у меня времени осталось. Завтра последует команда в Москву отбыть, и придется. А хотелось бы с мыслями генералиссимуса нашего ознакомиться о методах борьбы с узурпатором.

Глава 4

Событие девятое

Нет обороны – заклюют и вороны.

Кто незваный лезет к нам, тот получит по зубам.

«Надо крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке».

Александр Невский

Брехт поседел, стараясь понять хоть один листок из сотен, что оказались в ящиках. Мрак. Суворов писал на французском в основном. При этом грамоте был обучен хреново. Буквы другие вставлял в слова, падежи и склонения путал. А еще предложения прерывал, где хотел. Тезисы или конспект человека – студиязуса, за лектором не поспевающего записывать. Там же, где Александр Васильевич писал по-русски, было еще в сто раз хуже. Он не знал никаких правил, почти церковно-славянский текст с беспрерывными предложениями без знаков препинания.

Еще одной фишкой было у генералиссимуса вставлять русские слова во французский текст и наоборот – французские в русский. Получалось вообще феерически: «пяххоттных bataillons». Побившись десяток минут и так и не поняв

до конца ни одного предложения, Брехт сел к окну, усталился на муху, засохшую между рамами, и стал думу думать, допивая пятую чашечку кофею. Такая замечательная идея, как написать несколько «советов» от генералиссимуса полкам, трещала по швам. Просто же. Вырыть окопы по всей длине Бородинского поля в три эшелона. Или в пять. Натянуть перед ними колючую проволоку и нарыть ямок небольших, для коняжек. Конная атака захлебнется, и по ней картечью орудийной ударить и залпами ружей. Пешую атаку тоже остановить картечью и оружейным огнем, а пока она, эта вражеская пехота, не знающая, как преодолевать заграждение из колючей проволоки, натянутой перед окопами в три, а то и пять рядов, будет эти заграждения преодолевать, заваливая трупами, солдатушки будут стрелять и стрелять почти в упор из-за бруствера в противника. Контрбатарейной борьбы не надо. Ядра французские не плотные ряды полковых колонн будут выкашивать, а просто тратиться вхолостую. Пусть себе летают. Ну, даже если одно и залетит в окоп на излете, это в тысячи раз меньший урон, чем французская артиллерия нанесла русским полкам при Бородино в реальной истории. И не надо в этом сражении наступать. Пусть наступают французы, им деваться некуда. Наступающая сторона, при вот такой правильной обороне несет потери в десять раз большие, чем обороняющаяся. По разным данным, русских погибло в той битве от тридцати до пятидесяти тысяч. Пусть тридцать. При сражении от чистой обороны можно просто уничтожить

полностью армию узурпатора на этом поле. Триста ведь тысяч получится погибших французов. А ночью на деморализованный лагерь противника пустить кавалерию... нет, гусары безоружных французов, австрияк, пруссаков, испанцев и прочую нечисть рубить не будут. Невместо. Честь! Пустить казаков и татар с башкирами, казахов, вновь приобретенных, пригласить. Горские племена. Что захватите, то ваше, и за каждую голову рубль серебром. И никакого Ватерлоо не будет. Ни один не вернется домой. Не нужно будет мириться с пруссаками и австрийцами. Вся сохраненная армия сначала полностью уничтожит Пруссию, разорив ее. Все вывезти, всю промышленность, заставить лучшего друга Александра Фридриха-Вильгельма III все здания каменные в стране разобрать, для чего мобилизовать всех немцев на эту нужную работу. А потом обложить контрибуцией такой большой, чтобы лет сто выплачивали, и денег не оставалось ни на развитие промышленности, ни на просто сытное существование. И повод есть замечательный. Пруссия предоставила в распоряжение Наполеона 20-тысячный корпус, участвовавший в русской кампании, хлопотала о территориальных приращениях за счет России на случай совместной с Наполеоном победы. Но это только полбеда. Есть просто замечательный приказ Фридриха-Вильгельма III. В июне 1812 года прусский король издал эдикт против прусских офицеров-эмигрантов, поступивших на русскую службу. Все их имущество конфисковывалось, они лишались чи-

нов и орденов, готовился заочный процесс, на котором «при усиливающих вину обстоятельствах» им грозила смерть. Если кто-то думает, что это про лейтенантиков каких, то ошибается, это были лучшие генералы в мире того времени. Вот некоторые имена: Гнейзенау и Шарнхорст, Клаузевиц – будущий всемирно известный военный теоретик, Тидеманн, Лютцов. А Блюхера, героя Ватерлоо будущего, отправил король в отставку и запер в Бреслау под надзором и чуть голодом не уморил. Углубить нужно этот эдикт. Под приставленным к виску пистолетом Фридрих-Вильгельм должен лишить всех немецких генералов и офицеров гражданства и выделить им деньги для переезда в Россию и покупки там имений на юге. А чтобы те имения было кому обрабатывать, каждому выделить по тысяче душ крепостных. Хотя... Беда с этим. Потерпев поражение в войне с Наполеоном в 1806–1807 годах, Пруссия пошла на просто неадекватные по тем временам меры. Король отменил крепостное право и ввел всеобщую воинскую повинность. В результате к 1814 году у четырехмиллионной Пруссии была армия в 250 тысяч человек. А у сорокамиллионной России 500 тысяч, которую полностью кормили и снаряжали англичане. На войну с 1812 года по 1814 год Российская империя истратила 180 миллионов рублей. И ровно столько же подарила ей Великобритания. Плюс вся Англия несколько лет собирала и передавала деньги на восстановление Москвы после пожара. Новую Москву на девяносто процентов отстроили на деньги англий-

ских купцов, промышленников и фермеров.

Ну, пусть назад немцев-пруссиков Фридрих-Вильгельм закрепощает. Хотя можно ведь в качестве крепостных к немецким офицерам и генералам отправить пленных французов с семьями и всех до единого прибалтов им подарить. Их сейчас на две деревни приличные всего наберется.

Блин, занесло. Не победить без наступлений.

А про наступление тоже пару советов можно от Суворова дать. Отменить все эти наступления батальонными колоннами в лоб. Перебежками отдельными группами, с одновременным фланговым ударом, с гранатами, которые бросить в плотные ряды противника, не доходя до того двадцать пять метров. И нужно обучить людей работать против штыка длинным современным кортиком. Схватить ружье за ствол, пропустить противника чуть сбоку от себя и воткнуть кортик в пах. Стена штыков – это серьезное препятствие, а прожеженная гранатами, оглушенная и потерявшая строй и уверенность толпа бегущих плохо обученных владению холодным оружием бывших крестьян – это просто добыча для профессионалов.

И что теперь делать? Как написать все это вот таким дебильным слогом, с такой вопиющей безграмотностью и неумением выразить мысли в предложения. Почерк какой-нибудь стряпчий подделает, а вот слог и ошибки... Непростая получится задача. Очень и очень умный стряпчий нужен, чтобы так неумно свои мысли выразить.

Тяжко вздохнув и последний раз глянув надохлую муху, Брехт вытащил наугад из груды страниц парочку записок на разных языках для образца почерка, сунул их в ташку и пошел на запах сдобы, ползущий через анфиладу комнат.

Событие десятое

Седина в бороду – челюсть в стакан!

– Хочу отпустить бороду, это сейчас модно.

– Может, ты все-таки что-то другое попросишь на день рождения, Надюш?

– Давай, Ваньша, жги, – Петр Христианович собрал своих дезертиров на конюшне во внутреннем дворе дома Валериана Зубова. Подальше от ушей и глаз дворовых графа.

С делом возмездия и одновременно обретением стартового капитала тянуть дальше было нельзя, прямо чувствовал Брехт, что со дня на день его вызовут к государю.

– Так того, ничего сложного, нашли мы дом глицкий. Там и есть на Галерной. Все, как вы, вашество, и сказывали, – Ивашка-младший нарочитым баском и нарочито же медленно, зная цену себе и своим словам, прохрипел. Голос сорвался от низких октав, и разведчик закашлял.

– Ваньша, ремня дам. Говори нормально. Успеешь, вырастешь еще. Сейчас в эдаком детском виде ты гораздо ценнее. – Граф стукнул ладонью богатырской по худенькой спинке подростка и переломал ему позвоночник. Ну, почти. Ваньша дернулся и кашлять перестал.

– Так того, дом в два поверха, один из первых на Галерной, там посол английкий и поселился. Зовут его барон Алейна, а еще Фицбергердер. – Закатил глаза младший Ивашка, вспо-

миная имя английского посла.

Брехт и сам уже от жены Хвостова и племянницы Суворова узнал, что в столицу поздравить императора Александра с восшествием на престол прибыл с Туманного Альбиона посол Аллейн Фицгерберт барон Сент-Хеленс, тот самый, что сопровождал Екатерину Великую в ее поездке в Крым. Не один был тогда приглашен. Полно всяких известных личностей поехало посмотреть на Потёмкинские деревни. Ни одной, кстати, не увидели. Так, злопыхатели Потемкина злопыхали. Кроме английского посла был принц де Линь, бывший посланник австрийский, граф Кобенцель – настоящий посол немецко-римского императора, граф Луи-Филипп де Сегюр – посол Франции, гетман Польши и русский генерал-аншеф граф Ксаверий Браницкий. Ну, послам, может, и положено быть при дворе императрицы. Так там вообще одна интересная особа отметилась. Сопровождал Екатерину сам Иосиф II – эрцгерцог Австрии, император Священной Римской империи, король Венгрии, Король Богемии, король Хорватии и Славонии, король Галиции и Лодомерии.

– Вашество, – блин, отвлекся Брехт, вспоминая просмотренный давным-давно фильм про путешествие Екатерины по югу России.

– Как узнал? – Нужно с мальцом закончить.

– Так просто, подошел к извозчику на Галерной и спросил, где тут посол английский живет, он на этот дом и указал.

– Молодец. Вот тебе рубль, купишь себе потом на базаре

чего сладкого. И чего выследил там?

– В доме подворотня есть, там сторож стоит и никого не пускает. Но кареты туды несколько раз заезжали и сани. Один раз с базара продукты привезли, и один раз сам барон Фицбергердер выезжал.

– Аллейн Фицгерберт, – поправил машинально Брехт.

– А так и кажу, Фицбергердер.

– Ладно, а как ты узнал, Ваньша, что это он выезжал? – Брехт вытащил серебряный рубль из кармана, но придержал, не отдавая пацаненку в ожидании ответа.

– Так, просто, вашество, за ним мужик выскочил раздетый с бумагой, в трубку скрученной, и кричал: «Господин барон, вы забыли список». – Паренек схватил рубль и прямо вырвал из рук Петра Христиановича, тут же за щеку запихав.

– Ты английский знаешь? – не поверил Брехт.

– Не, не знаю, так дядька по-нашенски кричал вперемешку с немецким.

– С английским.

– Так я и говорю. С англицким.

– Слуг не видел? Охраны, кроме дворника.

– Как не видал, видал, на закорках кареты два мужика были. Хлипенькие. Вам, вашество, не чета.

– Молодец, Ваньша, сейчас поешь, поспи и к сумеркам возвращайся на пост. Смотри там, не засветись. От полицейских подальше держись, не стой на одном месте. Ходи туда-сюда. Шапку меняй, как я говорил.

– Знамо дело, не волнуйтесь, вашество, я бедовый. – Паренек продемонстрировал, как шапку меняет.

Брехт специально для конспирации ему такую сшил. С одной стороны шапка типа малахая из собачьего меха, а если вывернуть, то получится шапка-ушанка из замши. Черного цвета. Вся работа – вывернуть да снова надеть, а облик и рост пацана кардинально меняется, с малахаем на все пятнадцать сантиметров выше.

А чего, нормально получилось. На дело тоже ряжеными пойдут. Мастерницы успели сшить четыре комплекта формы лейб-гвардии Измайловского полка. Темно-зеленый мундир из сукна с красным подбоем, большие медные пуговицы, обшлага и оторочка красные. Камзол и штаны красные, епанча красная суконная с синим воротником и красным подбоем. Сапоги высокие. Полк расквартирован в центре Петербурга, и появление одного офицера с тремя унтер-офицерами на улице вечером никого не удивит. Подъедут, тем более на карете, которую вчера купил Сема Тугоухий.

Вдобавок к форме была и еще одна вещь, которая точно укажет на то, что в форме и в самом деле измайловцы. В полк набирались брюнеты, в роту Его величества – с бородами. Так что даже брить дезертиров не надо – и так с бородами. А брюнеты... ну двое и так брюнеты, а Семе можно бороду сажей или чернилами покрасить. А после дела побрился, и другой уже человек. Никто и не узнает.

Событие одиннадцатое

Убийцы частенько выглядят дружелюбно.

Если убить убийцу, количество убийц не изменится.

Уинстон Черчилль

Почему англичане решили убрать Павла? Элементарно, Ватсон. Он снюхался с Наполеоном и решил завоевать Индию. Поход туда начал организовывать. На это они пойтить никак не могли. Ну, и торговлишка еще.

Вообще, организовывать убийство императора другой державы – это неправильно. За это англичане должны ответить. К сожалению, организовавший все это бывший посол Великобритании сейчас далече. Ну, Павел тоже так себе переговорщик, то за Англию топил и даже уговорил короля Георга III посла графом сделать, но как те Мальту к рукам прибрали, так совсем на них окрысился и даже дипломатические отношения оборвал и посла выслал. Этот самый посол убийство и организовал. Звали посла Чарльз Уитворт первый граф Уитворт. Павел его графом сделал, а Чарльз отблагодарил нашего императора табакеркой.

В прошлом году, после разрыва дипотношений с Великобританией, Уитворт был послан английским правительством в Копенгаген, чтобы предотвратить союз Дании с Павлом I. Оттуда он поддерживал связь с русскими англоманами. Кру-

жок русских вельмож организовал во главе с опальными братьями Зубовыми и их сестрой Ольгой Жеребцовой. Пользовал Уитворт сестренку. Витгенштейн ее видел и посла понимал. Картинка просто, а не женщина. На конкурсе «Мисс Вселенная» первое и второе место сразу займет, ну, если прическу поменять. Кудрявость на барашка ее похожей делает. Ей бы «сэссон» подошел и покороче. Помимо Жеребцовой, английский посланник состоял в почти открытой связи с замужней графиней Толстой. К этой потом тоже нужно зайти.

Надо отдать должное сэру Уитвору, все у него отлично получилось. Почти пять миллионов рублей, что он раздал заговорщикам, позволили устранить Павла I, после чего на время была устранена и угроза русско-французского союза против Англии. Пять миллионов и Индия с большой войной, что перевесит?

Но раз не могут ответить Георг и граф Уитвор за содеянное, то ответит сэр... Как там его Ивашка обзывал – барон Фицбергердер. Заодно послужит еще для одной полезной штуки.

– Сема, мать твою, не дергайся! Иди спокойно, дыши воздухом весенним. Как вас только в Москве не повязали, нервных таких. И повторяю, живым никого не оставлять. Обязательно контрольный укол шилом в глаз.

– А если баба? – пробурчал сбоку Ивашка, который Иннокентий.

– Ну, мы в масках, там видно будет. С женщинами не воюем, но если там прислуга – это одно, а если кто из графьёв-князьёв – это другое. Те меня могут опознать. Не лишку в Питере великанов.

Перед этим ехали в купленной Семой карете по Санкт-Петербургу.

– Всё, Ивашка, тормози здесь, – крикнул Петр Христианович в открытое окошко кареты.

– Чего? – Ивашка повернулся в графу.

– Останови карету. – Как-то в прошлое попаданство легче было. Тут за каждым словом следить надо.

Остановил Ивашка карету у подворотни, и вот теперь идут, изображая офицера измайловца и трех унтер-офицеров, за командиром следующих. А Сема оглядывается и с ритма сбивается. Ну, удивляться особо некому. По Петербургу ночью молодежь под ручку не прогуливается. Улицы не освещены, да еще и кое-где перегорожены рогатками. А нефиг по ночам шляться, но здесь в самом центре города рогаток нет, и они проехали спокойно. Темно, только окна домов кое-где слабый свет излучают. Свечу зажгли хозяева. Пииты сидят, вирши по ночам крапают. Или джентль-мены в покер играют. Здесь же на Английской набережной и Галерной живут в основном наглы. Их сейчас в Санкт-Петербурге не меньше полутора тысяч. Облюбовали себе этот квартал и поселились, и все увеличивается их община и увеличивается.

– Так, парни, пришли.

Глава 5

Событие двенадцатое

*Даже если вы овладеете безупречным
английским языком, с кем вы собираетесь на нем
разговаривать?*

Кларенс Дарроу

Вход был освещен. Горел в окне, что туда же во двор выходило, маленький масляный светильник. Капелька света, но не полная темнота. Интересно, зачем в окне светильник? Сразу и узнали, как только подошли к двери, даже не подошли еще, в паре шагов были, как лязгнул засов, и дверь стала открываться. Ну, явно не их встречают, Брехт ускорился. На крыльце одновременно оказались выходивший из дома господин в черном макинтоше и граф. Как всегда, все с самого начала пошло не по плану. Не надо ломиться в дверь с риском перебудить половину Галерной улицы и кричать недоверчивому наглу, что у него, мать его, письмо барону от императора Александра. Сами открыли, но хорошо ли это? Кто этот господин? А ну как полезный какой для русской истории человек. Папа Пушкина? Или Толстого? Поздно гадать. Товарищ выходил задом, продолжая с кем-то разгова-

ривать через порог, Петр Христианович положил ему левую руку на плечо, сунул в печень клинок кортика адмиральского, с которым и пошел справедливость восстанавливать. Удобное оружие, и достаточно длинное, и тяжелое, и в то же время – не сабля, не мешается.

– И-и-и, – засвистел проткнутый посетитель посла, он бы и закричал, наверное, но граф ему рот успел зажать и втолкнуть назад в черный проем двери.

– За мной, – Брехт вступил в эту темноту.

Внутри было даже светлей, свеча была в руке у мужика в сюртуке черном, и лампа та, похожая на лампу из сказок про Аладдина, с жемчужиной пламени оранжевой на носике на подоконнике стояла. А прямо напротив было зеркало, в котором эти оба огонька отражались.

– What's going on?⁶ – Мужик в черном приподнял подсвечник.

Брехт ждать не стал, он отпустил переставшего пищать посетителя и левой рукой, в правой был кортик адмирала Синявина, провел классический хук в подбородок нагла. Свеча вылетела из подсвечника и, ударившись о зеркало, погасла, подсвечник тоже вырвался на свободу, но до зеркала не долетел, загрохотал по каменному полу прихожей. Мужик в сюртуке, отброшенный ударом, до зеркала тем более не долетел, свалился на пол и, прокатившись по мрамору или граниту отшлифованному, доскользя до стены и прикорнул

---

⁶ Что происходит? (англ.)

перед зеркалом.

Осталась только лампадка эта волшебная гореть. Необычная вещь в Северной Пальмире, так наглы, они весь мир ограбили, эту из Персии какой приволокли или из самого Багдада.

– Сема, вяжи этого. Разберемся потом, ху из ху.

– Так можа прирезать эту тварь, чего время терять, – Иннокентий вытащил из кармана веревку.

– Ванюша, «тварь» не обзывательство, а творение Бога. Ты хочешь божие творение отпустить без покаяния? А если это хозяин, и только он знает, где лежат стерлинги. – Брехт помог спеленать все еще находившегося без сознания англичанина. Хороший получился удар. Наложилось поставленное Светловым умение на геркулесовую силу Витгенштейна.

– Сема, дверь запри, нужно обойти весь дом и всех связать для начала, потом найти среди них барона Фицгерберта.

Петр Христианович пошарил под зеркалом и разыскал отлетевшую свечу, вставил ее назад в отверстие подсвечника и запалил от лампы Аладдина. Поднял повыше, оглядеться, и чуть не обмочил штаны – прямо в метре от него стояла фигура призрака. Белая длинная рубаха колыхалась у пола, и шевелились седые волосы на голове.

– What's going on? – хриплым голосом во... прохрипел призрак.

Говорили же по телевизору, что английский язык беден. Еще не верил. Да, в нем вообще вот только три слова и

встречные все только эти три слова и произносят.

– Who are you?⁷

О, новые слова появились.

Бац, Брехт и этого с левой приголубил. Всё, не получится диалога, а так хотелось поупражняться в произношении. Особенно в возвратных глаголах. To kill oneself – это покончить с собой или покончил с собой. В следующий раз.

– Сема, и этого вяжите и про кляпы не забудьте, а то очнутя и тревогу поднимут.

Ивашки с Семеном склонились над напугавшим Петра Христиановича призраком, а сам сокрушитель наголов обследовал с высоко поднятой свечой прихожую. Большое помещение, квадратов тридцать. Ну, вроде пусто, очередных местных с одинаковыми вопросами не возникнет. Рядом с зеркалом стоял комод и дальше был не закрытый проем на лестницу. Брехт прислушался. Было тихо, почти. Потрескивали дрова прямо над ним в печи. На втором этаже, значит. Ивашки и Сема управились с призраком к этому времени. Дело нехитрое, и веревки и кляпы приготовили заранее.

– Пошли на второй этаж. Иннокентий, ты тут постой, если кто будет стучать, запускай и... Ну, понятно. Пошли, братва.

Лестница была деревянная и с первых же шагов начала скрипеть. Ну кто так строит? Брехт и так старался наступать не на середину ступеньки, а как можно ближе к стене. Зато Ивашка с Семой скрипели так скрипели, учить их ходить по

---

⁷ Кто вы? (англ.)

стеночке и на цыпочках времени не было, так что и граф бросил ерундой заниматься и, перепрыгивая через ступеньку, стал подниматься на второй этаж. Попали в большое помещение, у стены напротив выложена большущая печь, плиткой изразцовой украшенная, через открытое поддувало сочился неровный свет огня, рядом с печью приличная поленница.

– Сема, пошли со мной. Ивашка, вон у той двери встань, полено вон возьми, глуши им, если кто войдет, все нужны живые, пока барона не найдем.

Из комнаты с печью были две двери, Брехт, примерно представив, где они в доме находятся, двинулся направо, переложив кортик в другую руку, костяшки на левой уже сбил. Болели.

Событие тринадцатое

*Лицо – это то, что выросло вокруг носа.
Юлиан Тувим*

Петр Христианович проходил одну комнату за другой, и все они были темны, холодны и пусты. Мебель была, столы стояли, комоды, буфеты, стулья. Не было людей. Печи нахаживались в углах комнат, и не горел в них огонь, и вообще обиталище английского посла казалось нежилым и покинутым. Оно и понятно, предыдущего Павел выгнал больше года назад, а нынешний всего неделю как прибыл в Санкт-Петербург, поздравить Александра с восшествием на престол, поучаствовать в коронации и подписать ту самую русско-английскую конвенцию, которая завершала межгосударственный кризис, а затем подготовить к заключению конвенции с Данией и Швецией. Великобритания выстраивала коалицию для борьбы с Наполеоном.

В четвертой по счету комнате горели свечи и там разговаривали люди. Брехт жестом остановил следующих за ним дезертиров и заглянул в комнату, чуть раздвинув зеленую бархатную штору кончиком кортика. За столом над какими-то бумагами сидели два человека в английских сюртуках и переговаривались. Одного Брехт узнал сразу, это был граф Пален. Н-да, хозяева приехали, и товарищ сразу поспешил от-

метиться, не стоит теперь и сомневаться, что вторым был Аллейн Фицгерберт. Невысокий человек с волосами, уложенными так, что казалось, что он в парике, кудряшки на макушке, и спускались потом эти кудряшки почти до плеч, электропюлек сейчас нет, сколько же времени барон проводит утром с парикмахером, пока тот ему эту кудрявость на голове создает. Нагл стоял к дверному проему почти спиной, а вот граф Петр Алексеевич Пален почти лицом, чуть лишь вполоборота. Витгенштейн с военным губернатором Санкт-Петербурга близко знаком не был, так, изредка виделись, тем более что Петр Христианович большую часть времени до ссылки проводил не на балах, а в расположении Мариупольского гусарского полка в Москве. Да еще и дырявая теперь память, так что сейчас Брехт этого персонажа разглядывал с «живым» интересом. В фильме «Бедный, бедный Павел» Палена играл Янковский. Нет, не сильно похож. Разве что рост. Пален был худой и высокий, но лицо было другим. Янковский был гениальным актером, и на него было приятно смотреть, злодеев он играл или Мюнхгаузенов – лицо умное, а вот Пален выглядел злодеем и был злодеем, и лицо было неприятное, особенно раздражали завитушки на лбу и на висках. Тоже часы с парикмахером проводил, но если у Фицгерберта были пышные волосы, то куцые остатки волос графа Палена, в завитушку завитые, раздражение вызывали. Новость о том, что Палена неделю назад Александр уволил со службы в отставку, «за болезнями от всех дел», 1 апре-

ля 1801 года с приказанием немедленно выехать в свое курляндское поместье Гросс-Экау, ему с хищной презрительной улыбкой поведала на приеме сама Мария Федоровна, причем ни с того ни с сего. Разговор шел совсем о другом, о детских приютах. Ненавидела вдовствующая императрица организатора заговора против мужа и добилась от сына этой отставки и ссылки, и спешила этой новостью со всеми поделиться. Ну, изменял Павел направо и налево, ну, забросил почти жену и детей, но муж все же, богом данный. Отец ее детей. Сегодня мужа заговорщики убили, завтра и до детей, а то и до нее доберутся. Разогнала всю эту шайку Мария Федоровна по ссылкам в имения, или разгонит в скором времени. И правильно. А ровно через минуту Брехт ей поможет отомстить главному убийце Павла. И главному прихвостню англичан.

– Сема, следуй за мной, я убиваю высокого в белом мундире, а ты подходишь к мелкому в красном и даешь ему пощечину. Понятно? – Брехт склонился к уху дезертира.

– Так, может...

– Сема, мать твою, делай, что говорят!!! Ясно? – Послал бог помощничков. Ладно, с этим делом справились почти, но есть еще второе, и оно на порядок сложнее.

– Ясно.

Брехт поставил подсвечник на пол, одернул измайловский мундир, убрал правую руку с кортиком за спину и вышел в довольно слабо освещенную залу, только посередине ее, на столе, стояли пять подсвечников, и в них горело несколько

свечей. Центр был освещен неплохо, но углы были погружены в полумрак. Из этого полумрака Петр Христианович и вышел.

– Ваше сиятельство! – граф направился прямо к Палену. – Их императорское величество повелел вам немедленно покинуть Санкт-Петербург и выехать в ваше имение в Курляндии. Так какого черта вы еще здесь и плетете новый заговор, теперь собираетесь убить и Александра? Его императорское величество послал меня сюда наказать вас за непослушание, – произнося все это, Брехт быстрой походкой прошел разделяющие их два десятка шагов. На мгновение остановился прямо перед графом Паленом и, вынув руку из-за спины, точным ударом вогнал кортик прославленного адмирала – сподвижника Петра, в глаз организатора заговора и цареубийства.

– Семен.

Шмяк. Это от удара Семы английский посол не головой дернул, как обычно бывает при пощечинах, а отлетел на пару метров и врезался в кресло кудрявой головой.

– Ладно. Тоже нормально. Вяжи ему руки и кляп сразу вставь. – Брехт отвлекся на пару секунд, за которые граф Пален Петр Алексеевич перестал быть графом, перестал быть заговорщиком и цареубийцей, даже английским шпионом перестал быть. Просто трупом одноглазым стал. Петр Христианович посмотрел, как оседает тело в новехоньком блистающем орденами белом генеральском мундире. Стоять,

бояться. А ведь для второго экса вполне это облачение подойдет. Брехт подхватил падающего экс-губернатора Санкт-Петербурга и положил тело так, что кровь, сочащаяся из проколотого глаза, не закапала белый мундир.

— Готово, вашество, повязал, — донеслось из-за противоположной, невидимой из-за скатерти бархатной, стороны стола.

Событие четырнадцатое

*Ловок да смел – пятерых одолел: одного
итыком, другого кулаком, третьего гранатой,
четвертого лопатой, пятого гада свалил
прикладом.*

У Лёвки всё ловко.

Как пацан последний! Как ребенок! Как конь педальный!
Расслабился. А ведь восемьдесят лет небо коптит, да еще третью жизнь живет. Посчитал, что главная проблема решена, что дом зачищен и можно мародерством и пытками заниматься. Они вдвоем с Семой подняли посла, усадили его на стул, больше на патриарший трон похожий, и примотали ноги к ножкам этого монстра, а руки к подлокотникам. Перед этим Сема с нагла одежку снял, а Петр Христианович с графа Палена. И даже успел белый генеральский мундир на плечи накинуть, прикидывая, нужно будет перешивать, или на один раз и так пойдет. Нет, не пойдет, Пален был гораздо уже в плечах амбала Витгенштейна. Придется перешивать мундир, а скорее всего, просто выбрасывать и шить новый. Эта примерка и спасла жизнь Петра Христиановича, ну, может, и не спасла, а на время гибель неминуемую отсрочила.

Брехт стоял спиной к буфету, что находился в противоположной стороне залы, в которой они раздевали двух мужиков, двери видно не было из-за этого проклятого буфета, и

Брехт посчитал, что это последняя комната в анфиладе. И вдруг с той стороны затопали сапоги и на центр зала выбежали два англичанина в красных мундирах со шпагами в руках. Шпага – это не та штука, что в фильме про д’Артаньяна. Это практически будущая русская шашка, ну, может, самую малость полегче. Брехт стоял к ним спиной и на плечи надел белый пиджак паленский. А вот Сема был прямо перед англичанами и спутывал барона ихнего. К нему, что-то громко лопоча, красные и кинулись.

Сема среагировал быстро и правильно, он забежал за трон этот и пихнул его в сторону набегающих противников. Тяжеловат, да и паркет давно не вощили, потому трон с бароном не поехал навстречу красным, а просто свалился им под ноги. На счастье посла и Брехта, один из наглов оказался парнем проворным и успел в последнюю секунду трон перехватить, если бы с такой амплитудой и импульсом голова посла встретилась с паркетом, то могло произойти два события: во-первых, уникальный наборный паркет бы поломался, а во-вторых, поломалась бы посольская голова. Но рыжий нагл успел барона принять и стал его поднимать. Это ему непросто далось, трон полтонны, поди, весил, да еще дергающийся в нем Аллейн Фицгерберт.

Брехт тоже быстренько в себя пришел. Семе все одно не уйти и не отбиться, уж точно, от двоих, видимо, хороших воинов. В охрану посла абы кого не пошлют. Офицеры, всяко-разно, не в одной войне успевшие поучаствовать, может,

из Египта или Испании сюда попали. Да не суть, Семен, вместо того чтобы отступить к Брехту на эту сторону стола, решил погеройствовать, выхватил из-за пояса тесак и встал в оборонительную позицию, хоть догадался спиной к комоду прижаться. Не справится, при всем желании, шпаги наглов длиннее и опыта в сто раз больше в обращении с холодным оружием.

Петр Христианович переложил кортик в левую руку, а правой запулил в отставшего из-за спасения трона второго красномундирника мундир белый графа Палена. Удачно тот опутал охранника, Петру Христиановичу как раз хватило времени вскочить на стол и пнуть ногой по чернильнице малахитовой, что стояла среди разложенных бумаг и карт, не игральных, географических. Попал так себе – красному чернильница попала в руку, и то вскользь, ну, разве мундиру вред причинила, теперь не просто красным стал, а красно-черным. Но пока нагл уклонялся от чернильницы, Брехт успел со стола на него прыгнуть в прыжке этом, целясь ногой в голову великого британца. Не срослось. Как вообще в современных сапогах можно Джеки Чана из себя изображать? Высокие, на высоких же скользких деревянных каблуках. В результате Брехт промахнулся, по наглу-то попал, только не ногой наотмашь по голове, а задницей по животу противного противника. Хрясь, это вместе на паркет шлепнулись. Слава богу, что хоть сверху оказался Брехт. Но счастье длилось не долго. Тут же второй англичанин ему эфесом шпаги заря-

дил по затылку. Кивер сработал, хорошая вещь. Но удар был сильный, и Брехт закатился под стол. Туда же сразу и шпагу сунули, опять повезло, все в тот же кивер удар пришелся, проколол его насквозь клинок и еще и Брехта по щеке мазнул, к счастью, не лезвием. Ремешок разрежала зато. В это время Сема атаковал увлекшихся красномундирников и сунул свой тесак в спину англичанину, не пропорол насквозь, но рану нанес. Нагл откатился к Петру Христиановичу под стол, где уже и вошел в него клинок синявинского кортика в пузо на всю длину. Минус один, только как теперь из-под стола выползти, с той стороны стулья плотно стоят, а с этой красномундирник тыкает шпагой по очереди то в Семена, то в Брехта. И если дезертиру можно тесаком отбиваться от англичанина, то Петру Христиановичу, лежа на боку за убитым англичанином в луже натекающей из него крови, это делать крайне неудобно.

Наконец, бог решил встать на сторону православных против англикан или католиков, и не-удачно отскочив от выпада все еще державшегося Семена, красномундирник подставил ногу под удар кортика. Брехт сделал колющее движение в подставленный сапог, заточенный до игольной остроты клинок, пробил толстую кожу кавалерийского сапога и уткнулся в кость.

Глава 6

Событие пятнадцатое

*Прощайте врагов ваших – это лучший способ
вывести их из себя.*

Оскар Уайльд

– Остановись, Сема. Да остановись ты! – Брехт перехватил руку дезертира с тесаком, которым он бил и бил, словно топором, по рыжей английской физиономии.

– Вашество, – Семен красными глазами обжег Брехта, прямо искры из глаз сыпались и молнии пущались.

– Всё, Сема, хватит, он мертв давно. – Брехт рывком поднял с колен разбушевавшегося соратника. – Смотри, в крови оба, как к Зубову заходить, слуга заметит, потом Валериану расскажет, а тот сумеет сложить два и два.

– А чего делать? – как конь, отгоняя приставучих слепней, помотал головой Семен.

– Разберемся. Ты отрежь пока послу мизинец, пусть почувствует момент, а я пройдуся. Оказывается, это не последняя комната.

– А на какой руке резать? – почти пришел в себя дезертир.

– На левой, вдруг писать придется. Да медленно режь,

пусть прочувствует русское гостеприимство.

Брехт оставил оскалившегося парня заниматься делом, а сам, критически осмотрев себя в зеркало, констатировал, что возвращаться на Миллионную в такой одежде точно нельзя. Нужно переодеваться. Где ночью в Питере можно одежду найти на такого бугая? Ну, кюлоты-штаны можно найти и в доме посла, а вот сюртук или фрак по его размерам — это вряд ли.

Только подумал Петр Христианович об одежде и прошел всего десять метров до двери в следующую комнату, как оказался в гораздо меньшем помещении, которое аглицкий посол использовал как парикмахерскую и гардеробную. На полках лежали сложенные мундиры красные и гражданская одежда. Фраки разных расцветок в основном. Брехт взял почти черный, чуть фиолетовым отливал, расправил. Н-да, как там Грибоедов про это напишет в «Горе от ума»: «Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем, / Рассудку вопреки, наперекор стихиям». Мелковат посол, не кормили в детстве, эти тряпки даже Семе не подойдут, не то что Витгенштейну. Даже дальше не стал рассматривать Брехт наряды посла, прошел в следующую и, как оказалось, последнюю комнату в анфиладе. Из нее дальше точно дверей не было. Именно в этой комнате и были охранники, ключевое слово «были». Теперь нет. Это была небольшая каморка пять на шесть метров, в которой стояли две железные кровати с элементами ковки на спинках, и на крючках, что были прибиты к стене,

висели красные шмотки английских офицеров. Один-то нагл тоже мелкий был, а вот второй был ростом с Семена. Петр Христианович перебрал висевшую на стене одежду. Нашел парадную форму с орденами высокого рыжего нагла, снял, сунул под мышку и перешел к гражданской одежде. На улице хоть и весна, но холодно еще. Был среди вещей плащ, макинтош, наверное, не силен в английской моде, на нашу епанчу вполне похоже, только чуть длиннее. Был и черный фрак из толстого сукна. Вот это то, что надо для дезертира. Около груды обуви граф тоже задержался, выбрал туфли покрасивше, черного цвета, а то фрак с сапогами кавалерийскими не очень сочетается. Там же валялся сидор темно-зеленый, его Брехт тоже забрал, нужно же изгвазданные в крови измайловские мундиры куда-то спрятать. Больше ничего интересного в жилище английских офицеров не было, разве вон шкатулку с парой хороших кавалерийских пистолей прибрать к рукам загребушим. В шкатулке и пулелейка с отверточкой и шомполом оказались. Не удержался Брехт, сунул в сидор.

В большой зале слышалось даже через кляп рычание и мычание, и Петр Христианович поспешил вернуться. Голый посол сидел, прикрученный к трону, а Семен стоял перед ним на коленях и тесаком окровавленным соскребал у барона с мизинца левой руки кожу и мясо. Дословно приказ выполнил. Так еще и про гигиену забыл дезертир, тесак-то в крови того рыжего, а ну как тот сифилисом болел, обычное

дело у великих британцев, а Семен, не помыв, ковыряется железкой окровавленной в теле посла. Заразить может. Как ему умирать, сознавая, что сифилитиком стал? А сифилитики в рай попадают? Ох, сомнительно.

– Все, заканчивай, маньяк. Вот, вытри руки и переоденься в гражданскую одежду, – оттащил дезертира от посла граф и сунул ему добытые шмотки британские.

Посол скулить не перестал. С мольбой смотрел на графа. Обмочился и обделался от боли, воняло препогано. А ведь еще пытками деньги вымогать и секреты короля Георга. Петр Христианович даже задумался на мгновение, а вызывает ли этот дурно пахнувший синий мужичок с окровавленным пальцем у него жалость. Нет. Именно этот ни грамма, он сколотит антинаполеоновскую коалицию, в которой погибнет сотня тысяч русских солдат. Мог и другой на его месте оказаться? Конечно, тогда и к нему бы Брехт жалости не испытывал. Все английские послы сволочи преизрядные. Предыдущий посол занимался тем, что сколачивал кубло заговорщиков для устранения Павла. По слухам, истратил пять миллионов рублей, и слухам можно верить – граф Пален, организовывая этот заговор, отлично понимал, что после убийства Павла в Петербурге его вряд ли оставят рулить, сошлют. Обманул же Александра, обещал, что заговорщики не тронут Павла, просто заставят отречься, и прекраснодушный отцеубийца поверил. Так вот, прекрасно знал и пошел на это. За огромные деньги, опять же по слухам, за ночь

в карты с улыбкой проигрывал по двести тысяч рублей. Из пяти миллионов миллиона три заграбастал. Теперь не экспроприировать. Ну, хоть улыбаться больше не сможет. Кстати, этот товарищ три раза за жизнь в реальной истории круто изменил судьбу России. Ну, во-первых, именно он присоединил к Российской империи Курляндию, он вел переговоры, немцы курляндские там долго рядились, а Бирон в конце концов от власти отречется, за огромные деньги в миллион рублей. А граф Петер фон дер Пален, будучи в то время губернатором Рижского наместничества, провел переговоры с маршалом курляндских рыцарей Отто фон дер Ховеном, представителем Курляндии и Семигалии, в ходе которых были достигнуты взаимные соглашения о возможном вхождении Курляндии, Земгалии и Пилтена в состав Российской империи.

Второй раз понятно – убийство Павла, который договорился с Наполеоном о совместном походе в Индию. Зная с высоты двадцать первого века все трудности такого похода, можно честно признаться, что не дошел бы, скорее всего, до Индии ни один человек. Все плохо там, и с климатом, и с продовольствием, так еще ведь хотели идти через Среднюю Азию, а не через Кавказ. То есть нужно было лезть через Памир. Это не переход Суворова через Альпы. Там в три раза выше горы и в сотни раз больше расстояние. Но это ладно. Никто ведь никуда теперь не пойдет. Теперь будет союз с Англией, Австрией, Пруссией, ну, и куча стран поменьше. И

всем Наполеон навалает в реальной истории. Тут поглядеть нужно, стоит ли вмешиваться. Хотя... вот уже вмешался, и как там дальше пойдет теперь – пока неизвестно.

Был и третий раз, когда Пален круто судьбу страны изменит. Пестель, как он сам напишет в мемуарах, был учеником Палена. Был его другом. Много раз приезжал к тому в поместье Гросс-Экау в Курляндии и совета спрашивал. Можно сказать, что декабристов тоже Пален породил. Напугал Николая, и последовали тридцать лет реакции.

Ну, да бог с ним, теперь с Пестелем точно не замутят очередной переворот, Пестеля после войны и пристрелить можно. Та еще сволочь. Бог с ними, пора пообщаться с наглом обделавшимся. О, англичанка опять гадит.

– Где деньги, Зин? – снял повязку, удерживающую кляп, с лица посла Брехт.

Событие шестнадцатое

Непобежденные не все непобедимы.
Пьер Корнель

Жадные. Все великобританцы жадные. А самый жадный – сэр Аллейн Фицгерберт. Пришлось еще один пальчик обстругать, чтобы узнать, где в доме деньги лежат. Хитрый и жадный был посол. Сразу взял и выдал местоположение саквояжа с деньгами. Оказался тайничок прямо в этой комнате, даже не тайничок, а просто подальше убраны деньги. На буфете стояла коробка из-под шляпы, а там в ней вместо шляпы русские рубли, пачки ассигнаций, купюры разные, но сто-рублевых не было. В сумме в коробке было около пятидесяти тысяч. Если бы там хотя бы пара пачек фунтов или стерлингов лежало, то Петр Христианович бы поверил, что вот все, что дали дипломату на Даунинг-стрит, все честно и выдал. Однако в коробке английских блеклых некрасивых бумажек не было, ни одной.

– Уважаемый, а где лежат пятнадцатифунтовые банкноты? – Брехт в той жизни был нумизматом, да и то не очень ушибленным на всю голову, за раритетами ценой в миллионы рублей не гонялся, понимая, что нет у него таких денег. Бонистика, то есть коллекционирование бон – бумажных денег, вообще его не интересовала, но как-то, составляя

каталог наличествующих у него монет Соединенного королевства Великобритании и Ирландии,⁸ наткнулся на продажу бон и удивился неразумности наглов. Существуют билеты в пятнадцать, тридцать, сорок фунтов. Не проще ли это набирать червонцами или пятерками?

Потому и спросил сейчас посла, захотелось, прямо край, подержать в руках пятнадцатифунтовую банкноту.

– Нет.

– Охо-хо, дорогой Аллейн, а я ведь хотел уже домой идти. Нет, вас бы развязывать не стал. А то вы выбежите голышом на улицу, помощь там звать или ругаться нам в спину, и простынете. Пневмонию заполучите, и все, пишите письма. Оставил бы связанным вас, уважаемый сэр, утром люди придут и отвяжут, а теперь что? Теперь придется вам еще один палец отчекрыжить. Сема, – подозвал Брехт переодевшегося во фрак дезертира. Немирович с Данченко, оба бы закричали: «Не верю». Так не шел фрак к бородатой роже Семы.

Семен подошел с окровавленным тесаком. Нагл зажмурился, но тайну «золотого ключика» не выдал. И только когда Семен срезал с мизинца часть кожи, заорал и пообещал пойти на сотрудничество. И опять обманул, прикинулся, что сознание потерял, облили вином из бутылки, что стояла на столе. Не подействовало, пришлось опять пускать в дело тесак. Закричал и стал угрожать. Даже обстрелом Санкт-Петербурга английским флотом.

---

⁸ United Kingdom of Great Britain and Ireland.

– Дурашка, тебя же не Александр Павлович грабит, а обычные каторжники. Зачем стрелять по союзнику. Наполеон ведь тогда на Индию точно нападет, а Россия после обстрела ему поможет, так что говори, где деньги лежат, и мы пойдем.

После очередного скобления мизинца сказал. Оказывается, за печкой в стене есть тайник, поленицей прикрытый. Разобрал Сема дровишки, открыл дверцу и вытащил на свет колеблющийся догорающих уже свечей саквояж. Тяжеленный. Открыли, а там опять нет пятнадацифунтовых бумажек. Там золото лежит. Петр Христианович осмотрел находку. Да, это мечта любого нумизмата. Монеты были разного достоинства и разных годов выпуска. Прямо готовая коллекция. В основном были небольшие монетки весом около восьми граммов – гинеи. Но островками блескучими выделялись и монеты большущие в пять гиней. Были и в две гинеи. И даже совсем маленькие монетки в половину гинеи попадались. Монета в пять гиней – просто монстр. Сорок с лишним граммов и почти сорок миллиметров в диаметре. Прямо ощущаешь, что золото в руках держишь.

– Уважаемый товарищ посол, прошу прощения за мой английский, давно не практиковался, – еле оторвался от созерцания коллекции Брехт. – Но я спросил не где лежат ваши гинеи, а где лежат пятнадацифунтовые банкноты. Согласен, гинея больше пятнадцати фунтов, все же давайте вернемся к этой купюре.

– А-а-а, – начал истерить сэр Фицгерберт, – пришлось оплеуху выделить товарищу послу.

– Дорогой барон, где чемодан с ассигнациями? – напомнил о себе Петр Христианович.

– А-а-а.

– Золотой ты мой человек, ну скажи, где деньги, и мы уйдем. А так не уйдем. У тебя еще, вон, сколько пальцев целых. А еще на ногах. У баронов же растут пальцы на ногах? А, дак вон же они. Чего это вы босой расхаживаете. Весна еще, прохладно, застудитесь. Ну, начнем с мизинца, а то без большого пальца, говорят, ходить очень тяжело. Пока вестибулярный аппарат привыкнет, падать будешь.

– А-а... О-о... Я скажу, скажу. – Барон опять обмочился, а Сема только задел клинком за мизинец на ноге.

– Внимательно.

– У охраны под кроватью есть в полу люк, там деньги.

Н-да, вот это были ДЕНЬГИ. Два мешка бумажных денег великобританских. Были и знаменитые купюры в пятнадцать фунтов, а были и в триста фунтов. Если учесть, что фунт стерлингов – это шесть рублей, то одна бумажка эта стоит почти две тысячи рублей. А это отличный конь или кобыла. Или чуть не деревня из десятка домов. А в мешке в сумме на целую волость денег. Удачно зашли. Опять собрались наглы покупать высшую знать Петербурга, чтобы добиться подписания этой проклятой конвенции. Ну, может, и надо на английские деньги с Наполеоном повоевать. Ничем он не луч-

ше наглов, даже хуже в разы. Те разделяют и властвуют, а этот собрался объединять Европу, а это смерть для России, при ее современной отсталости технической. Лучше вялотекущая война с Англией, чем война на истощение со всей Европой, а то, что Наполеон после победы над Англией навалится на Россию, даже и сомневаться не стоит. У него наполеонов комплекс. Хочет всем миром управлять с маленьким своим ростом и еще, должно быть, кое-чем, в человеке все должно быть пропорционально.

Событие семнадцатое

Библия учит нас любить ближних, она также учит нас любить врагов; может быть, потому, что это обычно одни и те же люди.

Гилберт Честертон

Осталось самое неприятное. Осталось... Не самоцель же деньги. А какая цель? Цель – стравить самых злейших врагов России. Двух самых-самых-самых. Вот нет и не будет в настоящем и будущем у России более постоянных и злобных врагов. А потому будет правильно, если получится их стравить. Один враг лишь самую малость ослабнет, несоизмеримы силы, а вот второй может этого стравливания не пережить. Да даже если это будет сделано руками России на их деньги. А рядом еще и Пруссия, без всякого сомнения, эта шавка Моська тоже решит куснуть пусть не слона, так свинью, которую сильные мира сего решат забить.

Ну, неприятная работа. Не графская. Нужная.

Брехт подошел сзади к послу и, схватив за слипшиеся завитушки левой рукой, прижал голову Аллейна к спинке трона. А второй рукой сунул острие кортика в ухо. Адмирал Синявин порадуетя в раю, его кортиком уничтожен один из врагов России, сильный и коварный враг. В раю не встретят-ся, в ад все наглы попадают или просто сдыхают. Не Брехт придумал, президент сказал.

– Всё, Сема, здесь закончили, забираем эти сумки и уходим. Ты иди вперед, тех двоих в прихожей убейте, я сейчас соберу бумаги на столе и догоню тебя. – Петр Христианович сунул Тугоухому в руки саквояж с золотыми гинейями и коробку из-под шляпы с российскими деньгами. Сам подошел к столу и стал сгребать в мешок с бумажными фунтами со стола документы и карты, а кинув последнюю бумагу в мешок, понял, что он дурак круглый. Сферический конь в вакууме. Дебил и баран. Ну, и далее по списку. Нужно было у посла еще спросить про тайник с секретными бумагами. Ну, и на старуху бывает проруха. А чем он не старик? Восемь десятков годков за спиной.

Брехт оглядел комнату, мало ли вон глянет сейчас, а на глаза ему попадется дверка в стене с секретными документами. Нет, картины висели, Брехт заглянул под них, нет, обычные стены. Всё, нужно уходить. Петр Христианович положил на колени убитого посла заранее заготовленную записку и пошел к выходу.

Дезертиры уже стояли у двери, поджидали. Свечу погасили, и только лампа Аладдина на подоконнике по-прежнему желто-оранжевым огоньком чуть рассеивала мрак. Уникальная вещь. Забрать? Нет, вещь заметная, еще выйдут на него полицейские. Эта клептомания до добра не доведет.

– Пошли, – граф открыл дверь и осмотрел колодец двора. Тишина.

Карета была на месте, и опера вокруг нее не стояли. И тут

тишина. Залезли, тронулись, а Брехт все ждал, что сейчас свистки полицейских трелью соловьиной разольются, выстрелы забахают, потом крики со всех сторон: «Ату, вон они, держи воров». А не криков, ни свистков. Тишина, только шум воды в канале.

Глава 7

Событие восемнадцатое

*Терпенье одолеет все дела,
А спешка лишь к беде всегда вела.*

Алишер Навои

– Господин конт! Господин конт! – потряс Брехта за плечо вечный ливрейный Гюстав. За такие побудки не один раз Валериан его, должно быть, в нокдаун посылал. Выжил и опять нарывается. Витгенштейн поздравше Зубова будет и обучен ко всему прочему удары в нужные места наносить. Рисковый парень этот Гюстав. Или глупый.

– Чего опять? – не отстанет ведь, Брехт стащил с головы одеяло, прохладно утром, пороть этого Гюстава некому, опять печи вовремя не затопили. – Ох, вы тут добалууетесь, ох, вы доиздеваетесь, пока я вас всех голыми в Неве не утоплю.

– Ваше сиятельство, прибыл курьер из дворца от государыни Марии Федоровны, она приглашает вас на утреннее чаепитие в Зимний дворец в десять утра. – Ни разу не испугался Гюстав, вон как припечатал.

Пришлось графу резко вскочить и начать действовать.

– Умываться, бриться, одеваться... и кофею принеси. И...

– Я бы посоветовал вам, ваше сиятельство, поспешить.

Время девять часов, – наверное, со злорадной улыбкой в спину картавил на французском проклятый Гюстав в министерской, шитой золотом ливрее.

– Так поторопись и распорядись насчет кареты.

– Ваших людей пытаются поднять на ноги. Пьяны-с. Разброд и шатания. – Последнее – не точный перевод с галльского наречия.

– Гюстав, меньше разговоров, больше дела, опоздаю, сам лично на конюшне запорю.

– Кофе готов, месье конт, таз с водой теплой в туалете.

– Молодец, купи огурец. – Ох, опять предстоит экзекуция со сцарапыванием щетины опасной бритвой, как ее ни точи, а до «шика» или «жиллетта» ей не дорасти никогда. Щетину надо сперва отпарить, потом долго намыливать несколько раз, чтобы размягчить волосы, и только потом приступать к бри... Да один черт к экзекуции – сцарапыванию.

Пришлось из-за нехватки времени просто намылить один раз и, кривясь и охая, сцарапать с себя щетину, хорошо хоть вчера брился, и потомуросло не больно бохато.

Когда на улицу, одетый в голубой ментик Мариупольского полка, выскочил, то карету только запрягали. Сонные и помятые Ивашки натыкались друг на друга. А Сема Тугоухий вообще стоял сам по себе и скармливал краюху хлеба корен-

нику. Нет, нужно съезжать от Зубова и дисциплину во введенных частях налаживать. Куда только? Купить свой дом в Питере? Теперь денег хватит. Только не сегодня-завтра его в Москву к полку отправят, а там еще и помогать Константинову нужно будет к коронации готовиться, не до дисциплины в рядах дезертиров будет. Там целый полк таких же лоботрясов, выпивох и сонь.

Вообще, все плохо в этом времени с часами, даже луковичи, что в кармане жилетки носят, еще не лишку, а жилеток так на Руси-матушке и вовсе пару штук, да и то на наглах. Они ее пока из шелка всякого шьют и под фракком носят, наши пока английскую моду не спешат перенимать. Консерваторы.

Успели. На Дворцовую площадь приехали, Брехт там карету бросил и поспешил ко входу. На часах поручик семенинец полюбопытствовал, куда это господин генерал бегом несется.

– Приглашен государыней императрицей Марией Федоровной на чаепитие к десяти утра, – выдохнул Петр Христианович.

– Васильев, проводи их сиятельство на второй этаж в покои государыни, – отдал приказ старший караула поручик, и солдатик пошагал к лестнице, даже не оглядываясь на Витгенштейна. А где «есть», «слушаюсь», «так точно», «следуйте за мной, ваше превосходительство»? Эх, мало Павел пожил, не успела дисциплина в гвардии organizоваться.

Мария Федоровна была одна. Брехт думал, что попадет на семейный завтрак, маленький Колька Палкин, принцессы Мария, Екатерина, Анна, а может, и мелкий Мишутка. Нет, не попал в сей цветник. Тет-а-тетный завтрак. Странно.

Государыня встретила его стоя и выглядела плохо, лицо набелили и нарумянили, но следы слез остались. Или это уже новые поперх на-текли?

– Что с вами, ваше величество? – поклонился граф. – Что-то случилось?

Мария Федоровна тряхнула головой, видимо, мрачные мысли из головы пытаюсь вытрясти.

– Вчера из Вены пришла весть, что Александра Павловна умерла после тяжелых родов, как и ее дочь новорожденная.

Н-да! А интересно, зачем тогда она его позвала, горем поделиться? Ничего про старшую дочь Павла Брехт не помнил, а из воспоминаний Витгенштейна можно было выудить только, что ее выдали замуж за эрцгерцога Иосифа – венгерского палантина и брата императора Франца. Что-то там с политической. Союз с Австрией укрепить?

– Заразу, небось, акушер занес. Они там, в европах, все неряхи и грязнули. Перед тем как операции всякие делать, нужно хоть руки спиртом обработать.

Мария Федоровна как-то поникла от слов графа, и ее повело. Пришлось Петру Христиановичу ее поймать и к себе прижать. Императрица совсем обмякла и повисла у Брехта на руках. Тот соображал, что же делать: закричать, по-

звать на помощь, или это она специально, разбери этих женщин, тем более цариц. Решил рискнуть. Петр Христианович чуть присел, подхватил женщину под колени и легко приподнял, понес к стоящей у стены оттоманке. Красивая, в смысле золотой парчой обтянута. Укладывая Марию Федоровну на нее, Брехт наклонился над императрицей, и в это время та открыла глаза и чмокнула его в ухо. Твою налево! Только не это. Нет, женщина была красива и лет не много, точно Витгенштейн не знал, но что-то около сорока, если Александру сейчас двадцать четыре, а ее совсем девочкой за Павла выдали.

Граф хотел высвободиться, но Мария Федоровна притянула его голову к себе и впилась губами солеными в его губы. Блин блинский, если сейчас сюда кто войдет, то его Александр нахрен на Камчатку закатает, вулканы описывать.

Событие девятнадцатое

*Храбрый человек должен уметь быстро бегать.
Так, на всякий случай...
Безумство храбрых – в шестой палате!*

Это же просто замечательно, что сейчас у сапог деревянные каблуки. Стук каблуков по паркету, приближающийся к двери в эту столовую, Брехт услышал, как и Мария Федоровна, слегка оттолкнувшая графа от себя. Петр Христианович успел даже шаг в сторону сделать, когда дверь отворилась. Не, когда дверь чуть не вылетела из косяка от молодецкого удара. Прелюбодеи вздрогнули, увидев входящего, – с гримасой страха, даже отчаяния на пороге стоял император Александр, а позади маячила фигура кучерявого пуделя Адама Чарторыйского. Вроде упоминал вчера обер-прокурор, что сосланный Павлом послом к сардинскому двору этот хлыщ на днях бросил к чертям собачьим дипломатию и прилетел к своему сердечному другу Александру.

– Маман, беда! – возопил император, даже и не удосужившись поинтересоваться, почему это растрепанная маман лежит на оттоманке.

– Что случилось? – Мария Федоровна мгновенно оказалась на ногах, с лицом львицы, готовой биться с кем угодно за своих львят. Прямо разительная разница между убитой

горем матерью, которую надо утешать, и этой воительницей.

– Убит и ограблен в своем доме английский посол барон Фицгерберт!

– Как? – села назад на лежанку императрица.

– Зарезан! Вместе с ним все слуги и охрана, а еще граф Пален.

– Пален... Он же должен был быть на пути в Курляндию...

– Это не все, вот что нашли на коленях у посла, – не слушающая мать, продолжил Александр, протягивая Марии Федоровне записку.

Ту самую, что ночью Брехт и положил на остывающие ляжки сэра Аллейна.

– На каком это языке, что тут написано? – Государыня попыталась прочитать, но хоть она и владела шестью языками, этого не знала.

– Это польский, – вышел из-за спины императора следующий главный враг России – князь Адам Черторыйский. Не-не – Чарторыйский. Хотя первый вариант звучит лучше.

– И что там написано? – перевела взгляд с сына на пуделя императрица Мария Федоровна.

– Какая-то ерунда... – замялся посол в Сардинию.

– Что там написано?! – Льдинки звякнули в голосе «маман». Прямо холодом повеяло, как от дыхания Снежной Королевы.

– Кхм.

– Князь! – теперь сталью лязгнуло.

Адам неуверенно глянул на Александра, но тот не заметил, стоял, глядя пустыми остановившимися глазами на чашки с чаем на столе.

– Тут написано, что это месть польских патриотов, за унижение и разделение Польши.

– Тут же много слов, а вы всего пять сказали, – теперь уже рычала и львица.

– Это сделала организация «Великая Польша от моря до моря», и что следующим будет Александр.

– Саша? – Мария Федоровна повернулась к сыну.

– Я не знаю, что делать. Убийство английского посла, смерть Сашеньки и ее дочери, да еще и патриоты какие-то, и все в один день... – Александр сел на стул у окна, спрятал лицо в ладони.

– Граф? – Мария Федоровна вырвала листок у Чарторыйского и сунула его Витгенштейну. – Что вы об этом думаете?

– Я?!! – Брехт ожидал от своей писульки чего угодно, но только не просьбы от императрицы дать совет. Перебор. Кто он? Пока мелкая пешка, шеф полка. Это еще не тот Витгенштейн.

– Граф? – и слезинка снова в глазах.

Твою же так да разэдак. А чего, банковать так банковать.

– Если вы, ваше императорское величество, спрашиваете моего совета, то я первым делом собрал бы самых влиятельных представителей английской общины в Санкт-Петербурге и ознакомил их с этой запиской.

– Александр! Хотя продолжайте, граф, это же не всё? – опять государыня.

– Я бы выслал из города всех поляков, а польских офицеров отправил служить в города за Уралом, пусть даже с повышением в звании и чине, можно и на Кавказ. Ничего не имею против этих господ, но лучше держать их подальше от столицы. И главное, – остановил жестом, уже собравшуюся дать команду действовать Александру Марию Федоровну. – И главное. Нужно двинуть в сторону Польши несколько кавалерийских полков, наверное, и мой Мариупольский. Одно дело пресекать бунт в зародыше и совсем другое – это разбираться с испившими крови и вооружившимися мятежниками. Мы же все помним восстание Костюшко. А еще нужно послать в Америку человека, который привезет его сюда, ну или несколько человек. И обязательно переговорить об этом с послом Соединенных Штатов. Идеальным вариантом будет, если американцы сами его схватят и привезут сюда в цепях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.